

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Уральский гуманитарный институт

Департамент лингвистики

Кафедра лингвистики и профессиональной коммуникации
на иностранных языках

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ

Зав. кафедрой _____ М. Ю. Илюшкина

« ____ » _____ 2023 г.

**Влияние культуры отмены на языковую личность
(на примере речевого портрета видеоблогера
Д. Бабаджаняна)**

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Руководитель, ст. преподаватель

Рецензент, д.ф.н., проф.

Нормоконтролер, к.ф.н., доц.

Студент гр. УГИМ-210025

И. Е. Харлов

Н. Н. Кошкарлова

В. И. Бортников

Е. И. Родионенко

Екатеринбург
2023

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Теоретические основы исследования	6
1.1 Подходы к изучению понятий «речевой портрет» и «языковая личность»	6
1.2 Сущность феномена «культуры отмены»	16
Выводы по главе 1	31
Глава 2. Речевой портрет видеоблогера Д. Бабаджаняна	33
2.1 Лингвокогнитивная специфика речевого портрета видеоблогера Д. Бабаджаняна.....	33
2.2 Лингвопрагматическая специфика речевого портрета видеоблогера Д. Бабаджаняна	53
2.3 Стилистическая специфика речевого портрета видеоблогера Д. Бабаджаняна	63
Выводы по главе 2	77
Заключение.....	78
Список использованной литературы.....	80

Введение

Данная работа направлена на изучение влияния феномена «культуры отмены» на языковую личность. На примере речевого портрета видеоблогера мы проиллюстрируем характер воздействия «культуры отмены» на речь современного человека.

Актуальность исследования обусловлена популярностью общественно-политического феномена «культуры отмены», выступающим в роли одного из наиболее современных инструментов критики в сети Интернет. Ввиду этого сейчас очень важно рассмотреть его лингвистическую репрезентацию в речи современного видеоблогера.

Объект исследования – языковая личность видеоблогера Давида Бабаджаняна.

Предмет исследования – влияние феномена «культуры отмены» на языковую личность видеоблогера.

Цель исследования состоит в изучении, выявлении и описании характерных особенностей воздействия феномена «культуры отмены» на языковую личность популярного видеоблогера.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Определить теоретические основы исследования, выявив основные подходы к трактовке таких терминов как «языковая личность», «речевой портрет», «культура отмены», «канселинг».

2. Выполнить описание речевого портрета видеоблогера в рамках лингвокогнитивного подхода и выделить лингвистические маркеры «культуры отмены».

3. Выполнить описание речевого портрета видеоблогера в рамках лингвопрагматического подхода и выделить лингвистические маркеры «культуры отмены».

4. Выполнить описание речевого портрета видеоблогера в рамках стилистического подхода и выделить лингвистические маркеры «культуры отмены».

Материалом данного исследования послужили видеоролики с непосредственным участием Давида Бабаджаняна, размещенные на YouTube-канале «ИБ».

Методология данной работы сложилась под влиянием исследований Н. Н. Болдырева, В. И. Карасика в области когнитивной лингвистики, Ю. Д. Апресяна в области семантики, а также П. Штомпки, М. В. Субботиной, И. А. Быкова в области философии, социологии и журналистики.

Методы исследования. В ходе исследования использованы общенаучные методы – описательный и классификационный, а также специальные методы исследования – лингвокогнитивный, лингвопрагматический и лингвистический анализы текста.

Теоретическая значимость заключается в систематизации теоретических знаний о проблеме феномена «культуры отмены», о социокультурных особенностях речи, их использования в целях «канселинга», а также представлении ряда частных наблюдений и выводов, связанных с темой «культуры отмены».

Практическая значимость. Результаты работы могут использоваться в качестве иллюстративного материала на семинарах по «Лексикологии» и «Стилистике».

Новизна исследования заключается в том, что его результаты могут дополнять существующие исследования проблем «языковой личности», «речевого портретирования», а также «культуры отмены» иллюстративным материалом, отражающим влияние канселинга на языковую личность.

Структура работы. Данная магистерская диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы. Во введении указаны актуальность исследования, его теоретическая и

практическая значимость, описаны предмет, объект, цель, задачи и методы исследования.

В первой главе рассматриваются теоретические аспекты работы, связанные с изучением языковой личности и феноменом «культуры отмены». Глава включает два параграфа: первый посвящен описанию теории языковой личности, а также методике ее описания – речевому портретированию; во втором параграфе был рассмотрен феномен «культуры отмены», его истоки и пути реализации в современном цифровом пространстве, а также были приведены примеры канселинга.

Вторая глава является практической. В ней проведен анализ речевого портрета видеоблогера Д. Бабаджаняна. Три параграфа второй главы посвящены описанию трех уровней языковой личности соответственно: тезаурусный, мотивационный и вербально-семантический. В ходе анализа каждого из уровней были выделены лингвистические маркеры «культуры отмены» в речи видеоблогера.

В финальной части исследования – заключении – представлена интерпретация основных выводов и результатов, достигнутых в ходе исследования.

Глава 1. Теоретические основы исследования

1.1. Подходы к изучению понятий «речевой портрет» и «языковая личность»

В последние годы в рамках современной антропоцентрической парадигмы в лингвистике приобрели популярность исследования, связанные с изучением языковой личности. Отечественные и зарубежные лингвисты часто прибегают к анализу языковой личности – индивидуальной или коллективной – в сферах лингвокультурологии, социо- и психолингвистики. Кроме этого, интерес к исследованию языковой личности послужил толчком к зарождению нового направления – лингвоперсонологии, изучающей «частно-человеческую языковую личность» [Нерознак 1999:71].

Термин «языковая личность» был впервые использован В. В. Виноградовым [Виноградов 1980] в исследованиях, посвященных языку художественной литературы. «Логика развития понятий «образ автора» и «художественный образ», центральных в научном творчестве В. В. Виноградова, подвели исследователя к вопросу о соотношении в произведении» [Парсамова 2004: электр. ресурс] образа автора, художественного образа и языковой личности. В. В. Виноградов также впервые описал конкретные языковые личности (глава «Опыты риторического анализа» монографии «О художественной прозе») [Виноградов 1980]. Родоначальниками теории языковой личности принято считать также Г. И. Богина, описавшего лингводидактическую модель языковой личности [Богин 1984], и Ю. Н. Караулова, чья концепция языковой личности определила развитие целого научного направления в современной лингвистике [Караулов 1987].

Языковая личность по Ю. Н. Караулову – «человек в его способности воспринимать и порождать речь (дискурс), владеющий системой языка и использующий ее для достижения в процессе коммуникации тех или иных неречевых и речевых целей» [Караулов 1987: 42]. Здесь языковая личность описывается как «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» [Караулов 1987: 245].

Уникальность языковой личности конкретного индивида заключается в специфическом сочетании социально-психологических особенностей её речевого поведения [Седов 2004: 7]. Языковая личность, как центральная фигура коммуникации, сочетает в себе и ситуативно-прагматические факторы, и индивидуально-авторские параметры речи. Часто в современном языкознании объектом изучения выступает не только сама языковая система, но также и субъект ее использующий. Поэтому в современных исследованиях на передний план выдвигается *homo loquens* – «человек говорящий» [Караулов 1987: 42-43].

Сущность языковой личности с точки зрения современной науки многогранна. Об этом понятии можно говорить как о комбинации разнообразных умений и навыков речевого общения; как о совокупности языковых способностей и намерений к осуществлению различных речевых поступков, классификация которых может быть осуществлена и по видам речевой деятельности, и по уровням языковой системы. В своем исследовании Е. О. Бирюкова обобщила направления изучения языковой личности и выделила три основных [Бирюкова 2012: 8]:

- структурное [Богин 1984, Караулов 1987];
- коммуникативное [Сиротинина 1988, Кочеткова 1999 и др.];
- стратегическое [Залевская 1999 и др.].

С момента появления термина «языковая личность» прошло немало времени, а его частое употребление привело к потере изначальной семантической емкости [Асташова 2013: 6], К. Ф. Седов писал об этом так: «языковой личностью стали называть любую коммуникативную и языковую характеристику, выступающую отличительной особенностью текста, профессии, возраста, литературного произведения, стиля и т.д.» [Седов 2000: 302]. Так, исследователи начали вводить новые, сходные понятия: наравне с обозначением Ю. Н. Караулова «языковая личность» используются такие терминологические сочетания, как «коммуникативная личность» [Стернин 2001], «речевая личность» [Клобукова 1995; Красных 1998; Прохоров 2003].

Таким образом, рассматривая языковую личность в контексте определенных условий общения, мы имеем дело с «коммуникативной личностью», определенной В. И. Карасиком как «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Карасик 2002: 26]. Здесь языковая личность предстает «срединным звеном между языковым сознанием – коллективным и индивидуальным активным отражением опыта, зафиксированного в языковой семантике, с одной стороны, и речевым поведением – осознанной и неосознанной системой коммуникативных поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека, с другой стороны» [Карасик 2002: 100].

«Речевая личность – это личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств (как собственно лингвистических, так и экстралингвистических)» [Красных 2003: 51]. Ю. Е. Прохоров заметил, что «если языковая личность – это парадигма речевых личностей, то, наоборот, речевая личность – это языковая личность в парадигме реального общения» [Прохоров 1996: 59].

В. В. Красных соотносит термины «речевая личность» и «языковая личность» с понятиями «языковой способности» и «языкового стандарта» из представленной А. А. Леонтьевым трехчленной системы языка [Леонтьев 1969]. Согласно теории речевой деятельности А. А. Леонтьева, язык представляет собой триединый конструкт языковой способности (совокупности физиологических и психологических условий, обеспечивающих производство, воспроизводство и адекватное восприятие языковых знаков членами языкового коллектива), языкового процесса (реализации языковым коллективом языковой способности в определенных культурных условиях для целей коммуникации и мышления) и языкового стандарта (упорядоченную систему элементов языковой деятельности). Однако третьему элементу системы А. А. Леонтьева, по мнению В. В. Красных, «соответствует не языковая личность и не речевая личность, но личность, участвующая в коммуникации, т. е. коммуникативная личность» [Красных 2003: 50]. В. В. Красных таким образом утверждает, что «каждый человек как “человек говорящий” в каждый момент своей речевой деятельности выступает как языковая личность, речевая личность и коммуникативная личность» [Красных 2003: 51].

О. П. Фесенко считает, что появление терминов «коммуникативная личность» и «речевая личность» продиктовано «отсутствием в определении Ю. Н. Караулова важной динамической (коммуникативной, дискурсивной) составляющей в структуре языковой личности» [Фесенко 2013: 74]. Особенности языковой личности проявляются именно в процессе коммуникации, поэтому языковую личность можно обозначить как «комплекс постоянно меняющихся личностных свойств, проявляющихся через тексты и отражающих мировосприятие, систему ценностей, мотивы речевого поведения человека, особенности его социального и культурного окружения, уровень образования и воспитанности, эмоциональное состояние и т.д.» [Фесенко 2013: 74].

Языковая личность может описываться в разных аспектах. Е. В. Кишина и Т. Л. Пыхтина называют следующие: «построение модели структуры и типологии языковой личности, классификация языковых личностей по разным основаниям, описание целостного речевого портрета личности и т. д.» [Кишина, Пыхтина 2010: 99].

Исследователи выдвигают на передний план различные наборы признаков, по которым далее формируются типы языковой личности. К таким наборам признаков относят как собственно языковые характеристики, так и когнитивные, социальные, психоэмоциональные (см. работы Г. И. Богина, В. П. Нерознака, Ю. Н. Караулова, Н. Д. Голева, К. Ф. Седова и др.).

Например, типология языковых личностей, представленная К. Ф. Седовым, берет за основу языковую компетенцию участника коммуникации. К. Ф. Седов выделяет три типа языковой личности: конфликтный, центрированный и кооперативный. Конфликтный тип настроен против партнера по коммуникации, центрированный тип игнорирует своего партнера, а кооперативный тип относится к собеседнику положительно, проявляет к нему уважение [Седов 2000: 300-307].

В нашем исследовании мы будем рассматривать языковую личность в соответствии с определением Ю. Н. Караулова, поэтому представим описанную им структуру языковой личности, состоящую из трех уровней. Каждый уровень модели языковой личности формируется из определенных элементов или «единиц данного уровня, отношений между ними и стереотипных их объединений, свойственных каждому уровню» [Караулов 1987: 52].

Первый уровень в структуре языковой личности определен как вербально-семантический или семантико-структурный/инвариантный [Караулов 1987: 56]. На данном уровне рассматривается владение языком, лексикой и грамматикой, не принимая во внимание индивидуальные особенности говорящего. Единицами данного уровня выступают лексикон

(вербальные сети) и грамматикон (грамматические модели), при этом они охватывают «все разнообразие их грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных связей» [Ушакова 1980: 149], а стереотипы представляют собой формульные словосочетания и предложения, которые выступают как своего рода клише.

Второй уровень определен Ю. Н. Карауловым как когнитивный. В рамках данного уровня характеризуются знания и представления общества, создающие когнитивное пространство. В качестве единицы здесь рассматривается тезаурус, включающий в себя идеи, концепты и понятия, которые составляют упорядоченную картину мира, отражающую иерархию ценностей [Рублик 2007: 100]. На когнитивном уровне стереотипами являются устойчивые стандартные связи между единицами языка, обладающими дескрипторным статусом. Они проявляются в афоризмах, пословицах и поговорках и выражают «вечные» для языковой личности истины [Караулов 1987: 65-67].

Третий, прагматический или мотивационный уровень характеризует установки языковой личности в отношении использования языка. Единицы данного уровня составляют прагматикон – «цели, мотивы, интересы установки и интенции личности» [Рублик 2007: 100]. Сами единицы и отношения между ними часто зависят от сферы общения, специфики коммуникативной ситуации и ролей, исполняемых в процессе коммуникации. Стереотипы мотивационного уровня – символы, образы и знаки свойственные данной культуре [Караулов 1987: 67-70].

Ю. Н. Караулов пишет, что такая трехуровневая модель языковой личности находит поддержку в идее о трех уровнях процессов восприятия и понимания [Зимняя 1976]: вербально-семантический, когнитивный и прагматический уровни языковой личности соответствуют реализующему, формирующему и побуждающему уровням процессов восприятия и понимания [Караулов 1987: 52].

Понятие языковой личности часто соотносят с понятием речевого портрета. Например, по определению С. В. Леорды речево́й портрет – «это воплощенная в речи языковая личность» [Леорда 2006: электр. ресурс]. Таким образом, здесь речевой портрет рассматривается, как направление исследования языковой личности. «Языковая личность как объемная модель, определяемая с позиций языкового сознания и речевого поведения, получает свою текстовую репрезентацию в виде речевого портрета. В лингвоперсонологии языковая личность является объектом речевого портретирования, в свою очередь, речевой портрет – один из жанров описания языковой личности» [Асташова 2013: 13]. Т. В. Романова считает, что «понятие речевого портрета в узком смысле соотносится с особенностями речевого поведения человека, в широком – с языковой личностью, прототипом носителя определенного языка» [Романова 2009: 117]. Так, речевой портрет выступает «совокупностью личностно-коммуникативных языковых черт индивида, представленной в виде открытой модели, отражающей также и коллективное описание представителя какой-либо конкретной культуры, обладающего способностью к проведению аналитических операций» [Павлычева 2015: 114].

Кроме того, речевой портрет личности отражает ее возрастные, гендерные, социальные, этнокультурные и другие характеристики [Лейко, Маслова 2012: 416]. Поэтому речевой портрет можно рассматривать как «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определенного социума в отдельно взятый период существования» [Тарасенко 2007: 8].

Речевой портрет как «образ, который формируется у слушающего о говорящем в момент речи» [Еремина 2005: 66], выступает функциональной реализацией языковой личности в процессе коммуникации, поэтому можно сказать, что «языковая личность и речевой портрет как лингвистические понятия соотносятся по линии абстрактности/конкретности, поскольку, рассматривая языковую личность, в первую очередь, стремятся определить

ее структуру, выявить общее для всех личностей, владеющих языком. Обращаясь же к речевому портрету, ученые сосредоточивают свое внимание на индивидуальных чертах (при исследовании конкретной языковой личности) и чертах, имеющих групповой характер (при исследовании определенной социально-языковой общности)» [Бирюкова 2011: 29].

Сам термин «речевой портрет» принято связывать с именем М. В. Панова, выдвинувшим идею создания фонетического портрета и проанализировавшего произношение различных социальных групп в разные исторические эпохи [Панов 1990]. Концепция М. В. Панова подтолкнула ученых к описанию подобных речевых портретов. Портретным описаниям языковой личности посвящены труды Т. Г. Винокур (синтаксический аспект) [Винокур 1989], Т. И. Ерофеевой (территориальный, социальный и психологический аспекты речи горожан) [Ерофеева 1990], Е. А. Земской (коллективные речевых портретов) [Земская 1990], М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой (произносительные особенности личности) [Китайгородская, Розанова 1995], Л. П. Крысина (особенности набора языковых единиц, речевого поведения, языковая игра в речи русской интеллигенции) [Крысин 2001], Т. М. Николаевой (на передний план выдвигает характеристики речи личности, отклоняющиеся от нормативных параметров) [Николаева 1991], К. Ф. Седова (влияние индивидуального социально-психологического опыта индивида на своеобразие его языковой личности) [Седов 1999], В. Д. Черняк (лексический аспект) [Черняк 1994] и др.

Т. Г. Винокур пишет, что «в основе речевого поведения лежат внутриязыковые закономерности подсистемной дифференциации стилистических явлений, внешние закономерности социальных и социальнопсихологических условий коммуникации» [Винокур 1989: 365].

М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой выделены параметры анализа модели речевого портрета: лексикон языковой личности – отражает владение лексико-грамматическим фондом языка (запас слов и словосочетаний, которым пользуется конкретная языковая личность); тезаурус –

репрезентирует языковую картину мира (использование разговорных формул, речевых оборотов, особой лексики, которые делают личность узнаваемой); прагматикон – система мотивов, целей, коммуникативных ролей, которых придерживается личность в процессе коммуникации. Все три уровня этой модели соответствуют уровням языковой личности в модели Ю. Н. Караулова: вербально-семантическому, когнитивному и прагматическому.

Также очень важно отметить, какие уровни языковой системы нужно описывать и на какие речевые характеристики нужно обращать внимание при составлении речевого портрета. По данному вопросу довольно точно высказала свою позицию Т. М. Николаева: «многие языковые парадигмы, начиная от фонетической и кончая словообразовательной, оказываются вполне соответствующими общенормативным параметрам и поэтому интереса не представляют. Напротив, важно фиксировать яркие диагностирующие пятна» [Николаева 1991: 73].

Поэтому, исследование, описывающее речевой портрет, «прежде всего, фокусирует свое внимание на способности языкового облика человека отмечать доминантные личностные смыслы» [Асташова 2013: 7].

Е. О. Бирюкова, говоря об индивидуальном речевом портрете, выделяет три аспекта его изучения: лингвистический, социальный и поведенческий. «Лингвистический аспект представляет собой анализ лексикона, т.е. слов и словосочетаний, употребляемых говорящим, а также тезауруса, т.е. излюбленных оборотов речи, выражений, фраз, используемых личностью» [Бирюкова 2011: 30]. Социальный направлен на выявление психологических, статусно-ролевых и гендерных характеристик языковой личности. В рамках поведенческого аспекта исследуется поведение личности на основе интерпретации его общекультурных представлений об общении, коммуникативной компетенции и интенций (особое внимание уделяется тому, какие черты имеют индивидуальный характер, а какие являются результатом социальной принадлежности личности) [Бирюкова 2011: 30].

Относительно объекта речевого портретирования «наблюдается расширение: от персоны к типу и более широким общностям людей» [Асташова 2013: 16]. «Речь отдельного человека может содержать в себе черты, которые являются типичными для языковых привычек и особенностей данной социальной среды, и задача исследователя состоит в том, чтобы выявить эти черты и дать им соответствующую социолингвистическую интерпретацию, показывая, что они являются отражением речевых особенностей группы, в которую входит индивид» [Ярошенко 2010: 69].

Примером такой работы является собирательный портрет русского интеллигента [Крысин 2001]. Л. П. Крысин выявляет «яркие диагностирующие пятна – социально маркированные способы выбора и употребления языковых средств и особенности речевого поведения» [Крысин 2001: 91]. Исследуя речь интеллигенции, Л. П. Крысин определяет важными следующие аспекты: сознательное или неосознанное неупотребление каких-либо лексических средств – литературных и просторечных, жаргонных, диалектных [Крысин 2001: 91-92]. Им выделены следующие параметры описания речевого портрета: особенности набора языковых единиц (консонантизм, вокализм; лексика, словоупотребление); особенности речевого поведения (формулы общения, прецедентные феномены, языковая игра).

При создании речевых портретов Т. М. Николаева предлагает уделять внимание тактикам речевого поведения: предпочтению тем или иным элементам или отказу от них, употреблению их в речи в зависимости от ситуации и условий общения [Николаева 1991: 69].

Описанию собирательного портрета посвящены также некоторые исследования В. И. Карасика [Карасик 2002, 2003, 2007, 2012]. Эти труды помогли положить начало новому направлению антропологической лингвистики – теории лингвокультурных типажей. Предметом исследования в таких работах являются «узнаваемые образы представителей определенной

культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [Карасик 2007: 227].

О. И. Асташова предложила комплексный анализ речевого портрета, взяв за основу трехуровневую модель языковой личности Ю. Н. Караулова, согласно которой «концептосфера, лексикон и прагматикон позволяют высветить индивидуальные признаки субъекта» [Асташова 2013: 131]. Анализируя речевое поведение политиков О. И. Асташова пришла к выводу, что рассмотрение когнитивного, стилистико-культурноречевого и коммуникативно-прагматического уровней модели «основано на интерпретации связей текстового материала с жизненными факторами разной природы – ситуационными текущего момента, индивидуально биографическими и общенационально историческими, – определяющими индивидуальность портретируемого» [Асташова 2013: 131].

В конечном итоге, в основе данного исследования лежит теория о языковой личности, предложенная Ю. Н. Карауловым. Исходя из сформулированного им определения языковой личности является «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [Караулов 1987: 43]. Речевой портрет, как «один из жанров описания языковой личности» [Асташова 2013: 13], представляет собой совокупность речевых характеристик говорящего, которые формируются в результате взаимодействия разноуровневых языковых средств и отражают коммуникативные качества его речи. Описание речевого портрета видеоблогера позволит нам определить место феномена «культуры отмены» в его картине мира и, как следствие, охарактеризовать влияние данного феномена на его языковую личность. В нашем исследовании мы будем отталкиваться от модели описания речевого портрета, представленной О. И. Асташовой. Далее нами будут представлены три уровня языковой

личности: вербально-семантический, тезаурусный и мотивационный. Таким образом наше исследование будет проведено в направлениях: лингвокогнитивном, лингвопрагматическом и стилистическом.

1.2. Сущность феномена «культуры отмены»

В последнее время в российской информационной среде большое внимание стало уделяться новому культурологическому феномену – «культуре отмены». По данным Google Trends, первый пик запросов о «культуре отмены» пришелся на вторую половину 2019 – первую половину 2020 г. [Google Trends 2023]. Многие интернет-издания освящают этот феномен в своих статьях: «В 2020 году канселинг и «новая этика» приобрели невиданный доселе размах и освещение в обществе» [РБК 2021: электр. ресурс], «Культура отмены: как интернет следит за вашей репутацией» [Афиша Daily 2020: электр. ресурс], «Все друг друга ненавидят: что такое cancel culture и чего от нее больше – вреда или пользы [DTF Magazine 2020: электр. ресурс] и др. Можно сказать, что повышение внимания к «культуре отмены» стало происходить с первой половины 2020 г. Тогда, в условиях ограничительных мер, выросло количество российских пользователей социальных сетей, и как следствие – произошло увеличение интереса молодого населения к иностранным информационным ресурсам. Рассматривая влияние карантина на культуру отмены, Д. В. Пигин пишет: «Если раньше культура отмены имела ограниченное влияние на общественный дискурс, то сейчас, с увеличением вовлечения людей в сеть, ускоренным переходом на карантин и ограничением непосредственной коммуникации по аналогичной причине, можно прогнозировать значительное расширение данной тенденции» [Пигин 2021: 215]

Следует обратить внимание, что сегодня феномен «культуры отмены» более распространен на Западе. В России это явление пока не набрало ощутимой силы. Согласно результатам исследования международного коммуникационного агентства PBN Hill+Knowlton Strategies и

исследовательского агентства MAGRAM Market Research (опрошено 1500 человек разных возрастов из разных городов России), лишь 7% россиян имеют представление о том, что такое «культура отмены» [MAGRAM 2022: электр. ресурс]. В данном исследовании затрагивается и вопрос о необходимости формирования «новой этики». Под этим понятием исследователи подразумевают осознание людьми факта существования в обществе большого количества социальных групп с различными интересами. Как следствие, в социуме должны понимать, что свою жизнь необходимо выстраивать так, чтобы не задевать интересы людей, которые чем-либо отличаются от большинства. [Субботина 2022: 36]

В исследовании отмечается поддержка 63% опрошенных россиян идеи о формировании «новой этики». Относительно «культуры отмены», респондентам был задан вопрос, откажутся ли они от использования того или иного бренда, если будут не согласны с его социальной политикой. Утвердительно на этот вопрос ответило меньшинство опрошенных – 10%, при том, что большинство респондентов (80%) считают, что бренды обращают внимание и прислушиваются к их мнению. Больше 30% опрошенных уже «отменяли» бренд, но большинство из них возвращались к нему в среднем уже через 8 месяцев [MAGRAM 2022: электр. ресурс].

«Культура отмены» (анг. “cancel culture”) – способ привлечь к ответственности за социально-этические нарушения как известного, имеющего власть человека или группу, так и простых людей через отказ от поддержки, публичное массовое осуждение [Васильева 2020]. Здесь «культура отмены» рассматривается как форма социального давления, берущая свои истоки из древности. М. А. Васильева пишет, что идея отчуждения неугодных людей от общества прослеживается еще в практике остракизма в древних Афинах [Васильева 2020: электр. ресурс].

Социологи акцентируют внимание на распространение «культуры отмены» в цифровом пространстве, особенно в социальных сетях: «культура отмены – это форма публичного порицания, инициированная в социальных

сетях, чтобы лишить кого-либо имеющего влияния или внимания с целью сделать публичный дискурс более разнообразным и менее монополизированным теми, кто занимает привилегированное положение» [Субботина 2022: 35]. Так как социальные сети в настоящее время являются довольно сильным инструментом, максимально сблизившим автора с его аудиторией, «отмена» используется в рамках протеста, стихийного и непредсказуемого, с целью выразить свое неприятие к определенной точке зрения или «обозначая некоторые пассажи неприемлемыми». [Быков, Ахмедова 2021: 16]

Д. Е. Бромвич дал такое определение «культуры отмены» – акт отказа от кого-либо, чье самовыражение (политическое, художественное или любое другое), ранее допускаемое обществом и считавшееся приемлемым, теперь не приветствуется и порицается. [Bromwich, цит. по Субботиной 2022: 36]

Попытки вычеркнуть кого-либо из публичного дискурса тоже можно считать частью «культуры отмены». Это достигается либо путем публичного позора, либо отлучением публичной персоны от социальных сетей (чему примером может послужить ситуация с бывшим президентом США Д. Трампом, когда в январе 2021 г. аккаунты политика были заблокированы рядом социальных сетей, после захвата его сторонниками Капитолия в Вашингтоне [Русская служба Би-би-си 2021: электр. ресурс]), либо требованием уволить человека с его работы. [Weiner 2020: электр. ресурс]

Несмотря на высокую популярность в США, феномен «культуры отмены», к сожалению, так и не был исчерпывающе описан в зарубежной научной среде. Похожая ситуация наблюдается и в российской научной литературе. Отсутствие консенсуса относительно сущности данного явления приводит к отличиям в трактовках и продолжению дискуссий о «культуре отмены».

В первую очередь наиболее масштабное распространение феномен «культуры отмены» получил на глобальных публичных информационных платформах, таких как социальные сети, информационные площадки,

мессенджеры и т. п. Отсюда можно сделать вывод о том, что главным образующим и коммуникативным механизмом «культуры отмены» являются «новые медиа» («различные виды электронных СМИ, блоги, новостные интернет-агрегаторы, социальные сети и т. п., возникшие в результате бурного распространения IT-технологий» [Кинаш 2017: электр. ресурс]), стремящиеся, на сколько это возможно, предоставить пространство для публикации всевозможных многополярных общественных точек зрения.

В 2020 году в США исследовательским центром Пью (Pew Research Center) был проведен опрос, в ходе которого американцев попросили поделиться своим мнением по поводу «культуры отмены». Согласно ему, 49% опрошенного населения относятся к «культуре отмены» как к «действиям, призывающим других к ответственности», 14% – «формой цензуры» и 12% – «остервенелыми нападками, причиняющими вред другим». [Vogels et. al. 2021: электр. ресурс] Результаты опроса показывают противоречивое и неоднозначное отношение людей к феномену «культуры отмены».

Как правило, «культура отмены» выступает довольно эффективным средством в разрушении общественной репутации публичной личности (кейсы Р. Тодоренко, Д. Демпа, Х. Вайнштейна). Она часто становится действенным инструментом информационной войны («разработанный коллективным Западом проект отмены русской культуры» [Купина 2022: 82]).

Одной из первых жертв «культуры отмены» среди политиков можно назвать Доминика Стросс-Кана: исполнительный директор Международного Валютного Фонда, участник президентской гонки во Франции был обвинен в изнасиловании горничной в отеле в Нью-Йорке, из-за чего ему пришлось уйти со своего поста [Чугров 2022: 90]. Несмотря на то, что в последствии Стросс-Кан был оправдан, данный скандал оказался сильным ударом по его политической карьере.

Взяв в пример нынешнее положение РФ в системе международных отношений Г. Кузнецов и М. Ступко выделяют несколько аспектов реализации целей канселинга [Кузнецов, Ступко 2022: 43]:

– Политический канселинг, в ходе которого российские дипломаты и послы объявляются нежелательными персонами и высылаются из стран, где находятся их посольства; России исключается из международных организаций либо создаются стимулы, подталкивающие ее к самостоятельному выходу из них. Например, 83 российских дипломата было выслано из Болгарии в 2022 году, а из Польши за тот же год – 45 [РБК 2023: электр. ресурс]. В марте 2022 года Российская Федерация была исключена из Совета Европы [Ведомости 2022: электр. ресурс];

– Экономический канселинг: отключение России от SWIFT, прекращении поддержки Visa и MasterCard российских банков, отказ от импорта российских товаров, включая энергоносители, в уходе с рынка многих иностранных компаний. Российский рынок временно покинула компания Microsoft [DTF Magazine 2022: электр. ресурс], компании Intel и AMD приостановили поставки своей продукции [iXBT.com 2022: электр. ресурс], Nokia, Siemens и Eriksson приостановили продажу РФ телекоммуникационного оборудования [iGuides.ru 2022: электр. ресурс];

– Культурный канселинг, подразумевающий культурную изоляцию России. Был отменен прокат фильмов производства кинокомпаний Paramount Pictures, Sony, Warner Bros., Disney, Universal Pictures [Киномания: новости кино 2022: электр. ресурс]. Россия не была допущена к участию в кинофестивалях в Глазго, Стокгольме, Каннах [DTF Magazine 2022: электр. ресурс]. Netflix прекратил работу над российскими проектами [РБК 2022: электр. ресурс]. России была отстранена от участия в «Евровидении» [РБК 2022: электр. ресурс].

– Спортивный канселинг, повлекший отстранение российских спортсменов от международных соревнований: российские сборные были

отстранены от соревнований FIFA и UEFA [RT 2022: электр. ресурс], NHL разорвала отношения с Россией [Сибнет 2022: электр. ресурс].

Чтобы определить форматы реализации канселинга относительно отдельной личности обратимся к статьям «Феноменологический анализ явления “культура отмены”» [Былевский, Цацкина 2022] и «Канселинг (cancel culture) как инновационный правокультурный феномен» [Баранова 2021]. П. Г. Былевский и Е. П. Цацкина в своем анализе феномена «культуры отмены» называют «историческими прообразами» канселинга публичные казни, экзекуции, объявление нежелательных элементов «вне закона», остракизм в античной Греции, а также отлучение от церкви, предание анафеме в христианской культуре. Исследователи отмечают, что в современной интернет-культуре канселинг реализуется в форме групповой травли, кибербуллинга [Былевский, Цацкина 2022: 164].

М. В. Баранова считает, что канселинг осуществляется также путем шейминга (анг. shaming – проявление дискриминации относительно лица, нарушившего общепринятые нормы), остракизма, абьюза (анг. abuse – насилие над личностью). Так она соотносит их с «культурой отмены»: «Представляется, что понимание соотношения cancel culture с названными смежными категориями, особенно ярко проявляется через специфику структуры канселинга. В типичных элементах структуры: субъект, объект, воздействие, особой значимостью в этой связи обладает последнее. Воздействие канселинга осуществляется через дискриминацию человека, унижение его чести и достоинства, выражаемое в неприличной форме, агрессивное преследование, применение насилия с последующим изгнанием неудобного лица из разного рода коллективов. Таким образом, травля (буллинг), остракизм, шейминг, абьюз, оскорбление представляют собой особые средства такого воздействия» [Баранова 2021: 126-127]. Более того, М. В. Баранова определяет «инструментарий» канселинга, включающий: дискриминацию, унижение, агрессию, преследование, изгнание и «особое технико-социальное средство» – мем-идею (единицу передачи культурного

наследия). «В условиях цифровизации, предоставляющей обилие возможностей для высказывания мнения, поддержки, осуждения людей и их поступком, мемы детерминируют, формируют, трансформируют отношение к событиям и личностям» [Баранова 2021: 127].

Характер использования инструментария канселинга диктуется особенностями, присущими «культуре отмены», которые мы выделили, основываясь на некоторых исследованиях («Digital 2022: global overview report», «Коммуникативная агрессия в России: анализ мнения будущих политологов и журналистов») и статьях («Культура отмены как один из противоречивых феноменов современного общества: генезис и пути развития»):

1. Присутствие преимущественно в «новых медиа», компьютерно-телекоммуникационной инфраструктуре. Согласно Глобальному исследованию цифровой среды (annual Global Digital survey), ежегодно проводящемуся организациями We Are Social и Hootsuite, на январь 2022 года 62.5% мировой популяции пользуется интернетом, почти 4.62 миллиарда людей имеют аккаунты в социальных сетях [DATAREPORTAL 2022: электр. ресурс]. Относительно России отмечается высокая популярность YouTube – 85% пользователей сети в возрасте от 16 до 64 лет активно посещают этот портал [Сергеева 2021: электр.ресурс]. Таким образом, «новые медиа» занимают значительное место в жизни современного человека. Например, главным источником информации у современных студентов является интернет, а именно интернет-издания, социальные сети [Быков, Гладченко 2018: 96].

2. «Культуре отмены» свойственен «теневогой характер» – неявность центров такой информационной кампании, скрытые механизмы управления ей. Отсюда складывается впечатление самопроизвольности, спонтанности.

3. Близкая к предыдущей – «безликость». Анонимность интернета, достигающаяся посредством подставных аккаунтов, делает почти

невозможным назвать лидеров, организаторов этой информационной кампании, точно назвать тех, кому она необходима и выгодна.

4. Субъективность – причины, по которым кто-либо может оказаться «отмененным», могут брать начало по совершенно не известным для большинства сторонних людей причинам. Часто «приговор» выносятся по каким-то неписанным правилам или «кодексам» тех или иных сообществ.

Также «отмене» присущ характер внесудебной расправы, самосуда вроде «суда Линча», т.е. «отсутствие справедливости для обвиняемых» [Holman 2020: электр. ресурс].

Значительно меньше тема «культуры отмены» раскрывается в научных работах по лингвистике. А. Ф. Фефелов обращает внимание на трудности перевода самого понятия «cancel culture». С его точки зрения в данном явлении «ничего нет от культуры», так как это сугубо политическое воздействие, поэтому при переводе термина на русский язык слово «культура» должно быть заключено в кавычки [Фефелов 2022: 128], тем не менее большинство исследователей использует именно такое терминологическое сочетание.

Повышение интереса к «культуре отмены» произошло в ходе таких громких кампаний как: #MeToo, BLM. В ходе них подверглось «отмене» множество известных и влиятельных персон. Джоан К. Роулинг (британская писательница, автор книг о Гарри Поттере) после некоторых высказываний в своих социальных сетях была подвергнута жестокой критике и травле как со стороны поклонников, так и со стороны коллег. В итоге Роулинг не была приглашена в фильм, посвященный двадцатилетней годовщине франшизы «Гарри Поттер». Американский актер Джонни Депп, обвиненный бывшей женой Эмбер Херд в домашнем насилии, пострадал не только, лишившись актерских контрактов, но и был вынужден защищать свою честь в суде. В российском медиапространстве особенно известной стала «отмена» телеведущей и блогера Регины Тодоренко, которая была раскритикована за

свое мнение по поводу темы домашнего насилия. Бренды отзывали ее рекламные контракты [Ароянц, Башилова, Лоскутова 2021: 306-309].

А. А. Кожевникова замечает, что «отмененным» может стать как обычный среднестатистический человек, так и человек, заслуживший признание публики, например, известный актер или блогер» [Кожевникова 2022: 165]. Но кроме того, часто «отменяются» и целые компании, организации или бренды. Например, владельцы сети ресторанов «Тануки» были обвинены в расизме, так как некоторые рекламные сообщения сети были расценены как издевательские. Редактор, их допустивший, был в последствии уволен [Быков, Ахмедова 2021:17].

Интересное исследование было проведено коллективом ученых, состоящем из Е. П. Ребенко, В. В. Дяковой, Е. В. Каргаполовой, Ю. А. Давыдовой, описанное ими в работе «Кансел-культура как социальный феномен современного общества (на примере студенческой молодежи регионов россии)». Ими был проведен опрос среди студенческой молодежи регионов России. Респондентам был задан вопрос: «Если Вы увидите, что кого-то унижают за его аморальные высказывания в социальных сетях, Вы с наибольшей вероятностью...». 66,4% студентов ответили, что «останутся равнодушны», 15,9% – что «согласятся с обвинителем», 13,6% – что «вступятся за обвиняемого». Кроме того, 47,7% респондентов признались, что боятся негативной оценки других пользователей социальных сетей, выкладывая посты непопулярного содержания (например, высказываясь на политические, экологические, социальные и т. п. темы). Был сделан вывод, что молодое поколение осведомлено и обеспокоено возможностью онлайн-шейминга [Ребенко и др. 2022: 495].

Исследователями Е. П. Ребенко, В. В. Дяковой, Е. В. Каргаполовой, Ю. А. Давыдовой также были выделены положительные и отрицательные аспекты «культуры отмены» как регулятора социального поведения. Положительные включают: 1) возможность социально уязвимых групп общества добиться правосудия, когда государственные силы ничего не

делают; 2) «культура отмены» делает эти социально уязвимые группы видимыми. Например, кейс Р. Тодоренко, который привлек внимание общественности к проблеме домашнего насилия: «Ведущая выпустила фильм «А что я сделала, чтобы помочь?» и пожертвовала внушительную сумму центру помощи жертвам домашнего насилия» [ФАН 2021: элект. ресурс].

Отрицательные: 1) «культура отмены» не содействует изменению поведения. Дж. К. Роулинг, несмотря на критику в социальных сетях и «отмену», не поменяла своих взглядов; 2) «культура отмены» может спровоцировать кибербуллинг, который приведет к более серьезным последствиям, чем то, за что человека решили удалить, а иногда (и это происходит все чаще), выходит за рамки виртуальной реальности и влияет на реальную действительность (семейные отношения, трудовая деятельность, репутация и другое) [Ребенко и др. 2022: 496], например, кейс Майка Ричардса, лишившегося роли ведущего американского шоу «Jeopardy!» после обвинений в сексизме и преследовании женщин-коллег [SBS NEWS 2022: электр. ресурс].

Некоторые выводы относительно феномена «культуры отмены» были сделаны исследователями Ю. В. Мухлынкиной и А. И. Ивановым в работе «Культура отмены: истоки, проявления, влияние на общество»:

1. «Культура отмены» в идейном плане является результатом постмодернистской философии, породившей новую этику. Зародившись как инструмент привлечения к ответственности за нарушение норм общепринятой морали лиц, чей статус и влияние делал их труднодостижимыми для судебного преследования, как форма социального бойкота тех, кто не соблюдает нормы политкорректности в отношении любого рода меньшинств, «культура отмены» всё чаще перерастает в стремление заставить замолчать инакомыслящих, в инструмент расправы и травли. Из социального бойкота «культура отмены» переросла в мощный социально-политический инструмент, способный лишить человека друзей и сторонников, профессии, благосостояния, репутации и доброго имени, способный обнулить его былые заслуги и достижения и даже готовый

переписать саму историю и стереть его из исторической памяти. Сегодня эта в недавнем прошлом локальная практика вышла на международную арену и стала инструментом политического давления и санкций.

2. Феномен «культуры отмены» является деструктивным для западной цивилизации, потому что новая этика целенаправленно отрицает классические идеи западной цивилизации буквально запрещая их, навешивая клеймо фашистских. Либеральные ценности буквально деконструируются в тоталитарном отрицании интересов большинства, свободы слова и плюрализма мнений, в попытке это мнение запретить, если не на правовом уровне, то на уровне социально-экономических отношений, отнимая у человека репутацию и работу. Особое опасение вызывает переоценка и «отмена» исторического прошлого или достижений культуры с позиций текущей политической ситуации.

3. Негативным следствием «культуры отмены» становится повсеместное прощание с идеей «публичной сферы», как некоего пространства свободы слова, созданного для рациональной дискуссии о политике и социальных проблемах, как инструмента достижения общественного блага. Провозглашая толерантность и равенство прав, культура отмены являет на практике их полную противоположность.

4. В своей основе, культура отмены и новая этика в целом демонстрируют культ слепого прогресса, изменений ради самих изменений, ради движения вперед, а не во имя интересов общества и человека. В жертву такому пониманию прогресса приносятся любые традиционные ценности и идеи, которые начинают оценивать, как реакционные и устаревшие, в жертву приносится сама история и культура. [Мухлынкина, Иванов 2022: 160-161]

Следует отметить, что для жертвы «отмены» нет стопроцентной гарантии остановить осуждение, признав свою вину или даже, согласившись с обвинителями, извиниться за свои высказывания или действия. Ввиду этого, Г. Кузнецовым и М. Ступко были предложены определенные методы противостояния «отмене». Подвергшаяся канселингу персона может

«вскрыть» принципы и внутренние механизмы, по которым действует канселинг. Обратит внимание общественности на выгодоприобретателей и объяснить, на какие именно чувствительные точки они давят и совершают свои манипуляции с аудиторией. Другой способ – высмеять ситуацию, поставив акцент на несуразности и неприемлемости принятых мер. Полезно в противостоянии канселингу прибегнуть к юридическому вмешательству, правовому урегулированию конфликта – это может оказать огромный эффект в странах, где «культура отмены» не имеет широкой популярности. Таким образом получится избавиться от эмоционального воздействия и сконцентрировать все внимание на рассмотрении сухих фактов.

Среди способов противостояния «отмене» также выделяют «контрканселинг», т. е. использование тех же инструментов и механизмов в свою защиту. Например, обращения, письма профессиональных или общественных организаций с давлением на институты. Здесь очень важна солидарность и поиск людей, не поддерживающих «отмену» данной персоны, группы или государства. Так положение «нападающий – жертва» превратятся в противостояние между группами [Кузнецов, Ступко 2022: 43-44].

Все способы противостояния канселингу так или иначе заключаются в восстановлении доверия аудитории. Культуру доверия/недоверия (цинизма) описывал П. Штомпка [Штомпка 2005: 326]. В некоторой степени описанную им проблематику теории доверия/недоверия можно сравнить с «культурой отмены», так как канселинг может являться способом выражения недоверия какой-либо персоне или бренду. Согласно П. Штомпке, доверие базируется на трех видах ожиданий от окружающих: 1) эффективные – с самой маленькой ставкой; 2) аксиологические, касающиеся сути действий; 3) опекунские, с самым высоким уровнем доверия, связанным с оказанием заботы, с проявлениями альтруизма, благородства. Недоверие основано на ожиданиях: 1) эгоистичных, корыстных действий людей; 2) другие всегда действуют лживо, аморально; 3) другие будут действовать хаотично,

случайно, иррационально. Масштаб доверия может быть общим, позиционным (в соответствии с социальной ролью, должностью), коммерческим, технологическим, институциональным [Штомпка 2005: 327-328]. Структурными источниками культуры доверия/недоверия служат историческое наследие, нормативная стабильность/аномия (для которых важны состояния экзистенциальной или онтологической безопасности), прочность социального порядка, подчинение властей законам/произвол, строгое исполнение прав/бесправность граждан. Однако обществу XX в., проанализированному П. Штомпкой, свойственна скорее «старая этика», когда этические проблемы носят дуалистический характер (добро/зло) и решаются с помощью коллективной морали. Для «новой этики» важна культура согласия. Если культура доверия противостоит культуре цинизма, то культура согласия – культуре насилия (при чем оно может быть как психологическим, так и физическим) [Коэн и др. 2021: 9]. Культура согласия – это этическая система, которая предполагает взаимный договор о том, как отказывать и как принимать отказы. Существуют поведенческая и субъективная теории согласия [Коэн и др. 2021: 12]. В рамках поведенческой ученые Т. Коэн, Е. Иванова, Н. Травкина настаивают на том, чтобы согласие было именно вербальным – невербального недостаточно. Субъективная теория опирается на некое внутреннее, ментальное выражение согласия людьми. Теория действительного согласия находится в процессе разработки, так как остается множество сложных ситуаций: случаи утаивания информации, психических заболеваний, алкогольного или наркотического опьянения, детский возраст и др.

Таким образом, общество находится в процессе выработки практик установления или восстановления справедливости, прибегая к «культуре отмены». Некоторые опасаются, что новые нормы кардинально изменят то, как мы общаемся в публичном поле: например, что любое неосторожное высказывание в настоящем или прошлом может стоить человеку карьеры и любых перспектив. Ситуации могут сильно различаться: от обвинения в

домогательствах до возмущения рекламным постом какого-нибудь бренда в соцсетях – и последствия, соответственно, будут разные.

А. А. Кожевникова также выделяет некоторые положительные и отрицательные стороны «культуры отмены». Положительным, по ее мнению, последствием «культуры отмены» может являться эффективная работа механизма социальных санкций и общественного порицания в отношении известных и популярных личностей. Например, известных актеров или политических деятелей. Примером может послужить «кейс Вайнштейна»: в рамках движения противодействия харассменту «#MeToo» вниманию общественности были представлены факты использования продюсером своей популярности и власти для того, чтобы совершать акты сексуальных домогательств в отношении молодых актрис, после чего Х. Вайнштейн был привлечен к юридической ответственности, а также подвергся санкциям в деловом плане – с ним были расторгнуты договорные отношения по постановке в ротацию его фильмов. Вторым положительным эффектом может послужить повышение терпимости в обществе, так как при действующем механизме «отмены» людям необходимо тщательнее обдумывать свои публичные высказывания и действия, чтобы не стать «отмененными» (например, на стриминговой платформе Twitch.TV наравне с жестоким контентом и контентом порнографического содержания запрещены высказывания, транслирующие дискриминацию по расовому, половому или любому другому признаку [Правила сообщества Twitch.TV: электр. ресурс]). Другим положительным качеством данного феномена является то, что благодаря нему перестают замалчиваться такие важные темы, как домогательства, дискриминация, тема домашнего насилия (например, движение #MeToo оказало следующий эффект на американское общество: «в некоторых штатах (Вашингтон, Теннесси, Вермонт, Мэриленд) был наложен запрет на соглашение о конфиденциальности и неразглашении как условия при трудоустройстве; в штатах Вермонт, Нью-Йорк, Делавэр были расширены меры по защите от харассмента; журналы Vogue, Vanity

Fair, Glamour обновили кодекс профессиональной этики, защищающих моделей от сексуальных домогательств» [Герасимова 2018: 77-78]). [Кожевникова 2022: 167]

Среди негативных эффектов данного феномена проявляется возможность использования клеветы в манипуляции общественным мнением (на волне движения #MeToo Эмбер Херд обвинила своего бывшего мужа Джонни Деппа в домашнем насилии, но летом 2022 г. суд признал ее виновной в клевете против Деппа и вынудил выплатить компенсацию). Если в обществе сильно развита культура отмены, то «отменять» людей будут без разбора и проверки фактов («отмена» известного актера Кевина Спейси на волне движения #MeToo – он был обвинен в домогательствах, но в итоге был оправдан в суде).

Либеральная активистка Лоретта Росс выделяет такой негативный эффект культуры отмены, как «горизонтальная критика»: «люди будут «отменять» тех людей, с кем просто не совпадают во мнениях, а не тех, кто совершает акты дискриминации и другие несправедливые действия для собственной выгоды, Данный феномен, хоть и преследовал изначально благие цели, противоречит презумпции невиновности и может посягать на базовые человеческие права» [Лоретта Росс 2021: электр. ресурс]..

Так, активное распространение «культуры отмены» не способствует открытой дискуссии, так как заключается в нерациональной, разрушительной критике. Быть может, когда-нибудь она достигнет более конструктивной формы, сфокусировавшись на действии. В настоящий же момент «культура отмены» – это разрушительная сила, сводящая на нет все положительные черты свободы слова.

Выводы по главе 1

Нами была рассмотрена проблематика соотношения понятий «языковая личность» и «речевой портрет». Были даны и рассмотрены несколько

определений понятия «речевой портрет» и «языковая личность», предложенных такими исследователями как Ю. Н. Караулов, С. В. Леорда, Т. П. Тарасенко и Г. Г. Матвеева. Под языковой личностью мы понимаем совокупность способностей и характеристик человека, определяющих создание и восприятие речевых произведений (текстов). Речевой портрет в нашем исследовании рассматривается как «один из жанров описания языковой личности» [Асташова 2013: 13]. В нашем исследовании мы будем отталкиваться от следующей модели описания речевого портрета: нами будут представлены три уровня языковой личности: вербально-семантический, тезаурусный и мотивационный. Таким образом наше исследование будет проведено в направлениях: лингвокогнитивном, лингвопрагматическом и стилистическом.

Нами также была проделана работа по описанию сущности феномена «культуры отмены». Были изучены труды и исследования многих авторов и молодых ученых, среди которых М. В. Субботина, А. Ф. Фефелов, А. А. Ароянц, В. М. Башилова, А. М. Лоскутова, И. А. Быков, Ю. Д. Ахмедова и многих других. На основе изученного материала нами было дано определение «культуры отмены», выделены особенности, даны примеры «канселинга» как в отечественном, так и в зарубежном информационных дискурсах. Под «культурой отмены» и канселингом мы понимаем общественное порицание, прекращение контактов, творческого и профессионального взаимодействия и т. п. с лицом, нарушившим чьи-то права действием или словом. Также были предложены приемы, помогающие защититься от «канселинга», «отмены».

В практической части исследования мы попытаемся определить место феномена «культуры отмены» в картине мира видеоблогера Давида Бабаджаняна, найти в его речи лингвистические маркеры данного феномена и, как следствие, охарактеризовать влияние данного феномена на его языковую личность.

Глава 2. Речевой портрет видеоблогера

Данная глава работы будет посвящена описанию речевого портрета видеоблогера Давида Бабаджаняна, также известного под псевдонимом Рома Механик. Видео размещены на канале «ИБ» видеохостинга YouTube. На канале представлено 180 видео, среди которых основную часть занимают реакции на других блогеров, а также подкасты и интервью. При выборе видеороликов для анализа мы отталкивались прежде всего от непосредственного участия в них Д. Бабаджаняна, а также их популярности среди пользователей YouTube (количество просмотров превышающее 150 тыс.) и даты публикации (в нашем случае внимание уделяется видеороликам, вышедшим за последний год). В данной главе нами будут описаны лингвокогнитивная, прагматическая и стилистическая специфики речевого портрета видеоблогера Давида Бабаджаняна.

2.1. Лингвокогнитивная специфика речевого портрета видеоблогера

Д. Бабаджаняна

В текущем разделе практической части данной работы мы попытаемся описать концептосферу видеоблогера, а именно выделим основные концепты и способы их языковой репрезентации. Таким образом можно будет проследить динамику концептосферы видеоблогера.

Описывать когнитивный уровень языковой личности видеоблогера мы будем путем раскрытия ключевых концептов его индивидуальной картины мира. При этом наше внимание будет обращено на языковые средства, вербализованные и представленные в цифровом пространстве видеохостинга YouTube, используемые Д. Бабаджаняном для описания мира [Пименова 2011: 91]. Говоря о понятии ключевой концепт, мы отталкиваемся от определения, предложенного А. П. Сковородниковым: «концепты, занимающие чрезвычайно важное место в системе ценностных представлений, в духовном мире ... отдельной личности» [Сковородников 2011: 244].

Понятие концепта было введено в лингвистическую науку С. А. Аскольдовым-Алексеевым. Ученый определил концепт как «мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода» [Аскольдов-Алексеев 1928: 28]. Отмечая взаимозависимость концепта как когнитивной единицы, содержащей характеристику и оценку явлений действительности, и опыта носителя языка (персонального, профессионального, социального), Д. С. Лихачев называл концепт результатом комбинации усвоенного, объективного значения с личностной интерпретацией, возникающей на основе жизненного опыта [Лихачев 1993: 3-9].

Идея концепта получает развитие в работах Е. С. Кубряковой, З. Д. Поповой, И. А. Стернина. По Е. С. Кубряковой концепт – это «оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» [Кубрякова 1996: 91]. З. Д. Попова и И. А. Стернин дали понятию концепта такое определение: «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2007: 34]. Концепты реализуются в процессе речевой деятельности с помощью «целого комплекса языковых средств, систематизация и семантическое описание которых позволяют выделить когнитивные признаки и когнитивные классификаторы, которые могут быть использованы для моделирования концепта» [Попова, Стернин 2005: 8-9].

З. Д. Попова и И. А. Стернин отмечают нежесткую структуру концепта. Они считают, что внутренняя организация концепта содержит в себе

чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле. Когнитивные классификаторы и объединяемые ими когнитивные признаки, включенные в структуру концепта, «различаются по степени яркости в сознании их носителей и упорядочиваются в структуре концепта по полемому признаку» [Попова, Стернин 2005: 9]. Согласно Ю. С. Степанову, в структуру концепта следует включать не только понятие, но и признаки, делающие это понятие значимым в культурном плане, такие как исходная форма, сведенная к основным признакам содержания, исторические и современные ассоциации, оценки [Степанов 2001: 43]. Ю. С. Степанов также определяет концепт как «основную ячейку культуры в ментальном мире человека» [Степанов 2001: 43].

Рассматривая понятие концепта в рамках лингвокогнитивной концептологии, З. Д. Попова и И. А. Стернин считают его единицей национального когнитивного сознания, реализуемой лингвистическими средствами [Попова, Стернин 2005: 10]. Воплощенная в языке народа совокупность концептов, или концептосфера, составляет его картину мира, то есть «зафиксированные в единицах языка представления народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков, языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [Попова, Стернин 2007: 54]. Таким образом, путем рассмотрения языковых особенностей реализации концепта можно охарактеризовать определенную часть концептосферы носителя языка.

Отметим, что в данном исследовании нам важно, что концепт существует не только в коллективном, но и в индивидуальном сознании. Концепты, содержащиеся в коллективном сознании, более обобщены, чем индивидуальные концепты, в них крайне мала доля уникального личного опыта. При описании ключевых когнитивных смыслов в рамках модели речевого портрета конкретной личности – видеоблогера – очень важно

выделить главные для этой личности концепты с возможной динамикой образной или понятийной их составляющей.

Отправной точкой анализа лингвокогнитивной составляющей видеоблога «ИБ» послужили названия видеороликов, их описания и закрепленные комментарии. В них были выявлены наиболее значимые когнитивные смыслы, индивидуальная интерпретация которых позволит составить представление о мировоззрении Д. Бабаджаняна.

В нашем исследовании будут представлены такие составляющие концептосферы видеоблога Д. Бабаджаняна как *кринж*, *честность*, *глупость*. Здесь *кринж* выступает центральным концептом, так как это понятие чаще всего задействовано в названиях видеороликов и превью-изображениях к ним – «ГРАФ ПРОТИВ ДОШИК – БАБАДЖАНЯН ПРОТИВ ГРАФА: КЛАССИКА КРИНЖА», «КАХА – НОВАЯ СЕРИЯ КРИНЖА», «КРИНЖ-ИНТЕРВЬЮ ЛИНЫ», «ДАВИДЫЧ У БАСТЫ ПОХУДЕВШИЙ КРИНЖ» и т. д. Концепты *честность* и *глупость* реализуются уже внутри ядерного *кринж*: *глупость* как непосредственная составляющая *кринжа*, а *честность* как противопоставление *кринжу*.

Основную часть видео-контента, представленного на Youtube-канале «ИБ», составляют видеоролики жанра «реакция», важной особенностью которого является высмеивание и издевательство над объектом реакции [Лушиков, Терских 2018: 68]. Д. Бабаджанян часто высмеивает объектов своих реакций, употребляя именно слово *кринж*. Именно это понятие находится в ядре концептосферы видеоблога «ИБ», так как через него реализуются другие два указанные ранее концепта. Мы начнем наш анализ с определения сущности понятия *кринж*.

Кринж – соединение стыда за другого и смеха (уединенного или разделенного с другими). Ю. В. Лобанова также пишет, что «современная экранная культура, экспансия медиа способствуют глобальной эстетизации стыда. Усиленная значимость иронии (постиронии) и игрового начала создают феномен “испанского стыда”, “кринжа”. “Кринжевать” – испытывать

неловкость и отвращение из-за поведения другого, поэтому кринж – категория со сниженной концентрацией нравственного чувства, которая восполняется заметной примесью эстетического созерцания, иронии и других видов комического» [Лобанова 2022: 55].

А. А. Куслина в своей статье «Кринж – модное слово российского медиапространства» выделила следующие значения слова *кринж*:

1. Чувство стыда, неловкости, вызванное каким-либо событием, действием или поведением кого-либо.

2. Синонимическая замена обценной лексики.

3. Междометие, выражающее чувство стыда и неловкости. Действие, направленное на получение какой угодно реакции публики [Куслина 2022: 144].

В нашей работе мы будем отталкиваться от первого значения слова *кринж*, то есть будем считать его сходным по значению со словом «стыд».

Пользуясь полисемантическим словом *кринж* в широком ряду ситуаций от прямого значения до способа выражения иронии [Куслина 2022: 144-145], Д. Бабаджанян всевозможно преобразовывает это слово, выражая свое отношение к тому или иному объекту его видео-реакций.

«Ведущий, согласен, – кринжуха лютая! Не занимайся интервью, чувак. Чему посвящен канал – я не знаю. Это, по-моему, первое интервью на его канале. Дело не в мате, дело в том, как это подано... И что это? К чему это? Вот это: “епты, епты, епты, епты...” Да, это раздражает, а больше всего бесят какие-то кривляния.»

Здесь в концепт *кринж* можно включить понятие «кривляния» («кривляться – делать ужимки, гримасы, держать себя неестественно, ломаться» [СОШ 2006: электр. ресурс]). То есть у Д. Бабаджаняна возникает чувство стыда, когда кто-то ведет себя неестественно:

«И положительные комментарии типа интервьюеру ребята пишут?! Это просто какой-то кринжвьюер... Я еще над Дудем смеялся... Мы еще Алену Блин тут, знаешь, поносим, а тут, оказывается, вон у нас!»

*«Ну, он [интервьюер] **пытается выглядеть** таким молодежным, он заигрывает [с Кириллом], мол, он крутой, это стиль ведения интервью, йоу!»*

*«Он заигрывает с молодой публикой – да, это **кринжуха** лютая»*

Неискренность и неестественность приравнивается к *кринжу*. Таким образом в представленных фрагментах можно проследить противопоставление *кринжа* *честности*: Д. Бабаджанян считает, что взрослый мужчина-интервьюер неискренен в своей манере речи, ведет себя слишком «по-детски», пытаясь угодить молодой – преобладающей – части зрителей, увлекающихся киберспортом (фрагменты были взяты из реакции «ИБ» на интервью с киберспортсменом Кириллом Михайловым).

Концепт *честность* для данного видеоблога важная часть концептосферы видеоблога «ИБ», так как, реагируя на видео различных блогеров, Д. Бабаджанян прежде всего выражает собственную позицию относительно их личностей и точек зрения.

*«Мы **честно относимся** к контенту, который выдаем.»*

*«Мы – **честная площадка**, которая готова предоставить реально нормальное место и нормальные условия для проведения **честных дебатов**.»*

*Мы не будем пользоваться какими-то гнилыми штучками, не будем ничего подмонтировать, корректировать как-то свои слова, потому что хотим быть все-таки **честными со своей аудиторией** прежде всего.*

В трех данных репликах актуализируется представление о честности как о проявлении добросовестности, о характеристике, внушающей уважение, вызывающей доверие. Автор представляет свой YouTube-канал как результат добросовестной, упорной работы, и, более того, как безупречное место для проведения дискуссий. Для YouTube-канала «ИБ» очень важно показывать своей аудитории различные точки зрения честно и непредвзято.

Для более целостного представления понятийного наполнения концепта *честность*, обратимся к словарной дефиниции данного слова.

Слово *честность*, к сожалению, не встречается в толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. Но в нем присутствует слово *честный* – 1. Проникнутый искренностью и прямоотой, добросовестный. 2. Заслуживающий уважения, безупречный [СОШ 2006: электр. ресурс]. Толковый словарь Д. Н. Ушакова предлагает такое определение слова *честность* – 1. Отвлеч. сущ. к честный в 1 знач. (Правдивый, прямой и добросовестный, свободный от всякого лукавства). 2. Честное отношение к чему-н., честное поведение [Толковый словарь Ушакова 2023: электр. ресурс].

В видеоблоге Д. Бабаджаняна довольно часто встречается как само имя концепта *честность*, так и смежное с ним, указанное в словарном обозначении понятие – *искренность*:

«Он [Субо] абсолютно неискренний, он ведет себя... Даже не сказать плохо... Это мудачество какое-то, инфантильное мудачество.»

Здесь Д. Бабаджанян упрекает автора рассматриваемого им видеоролика – Субо (популярный видеоблогер, снимающий видео о своей повседневной жизни) – в неискренности, наигранности. Он негативно относится к тому, как Субо представляет себя в своем видеоблоге, называет его «незрелым дураком» (здесь мы ссылаемся на словарные обозначения слов: «инфантильный – 1. Детски недоразвитый, страдающий инфантилизмом (в 1 знач.) (спец.). 2. Сходный с манерами, поведением, мировосприятием ребенка (книжн.)» [СОШ 2006: электр. ресурс]; «мудачество», как производное от «мудак – наивный, несообразительный человек, простак, простофиля» [Мокиенко 2008: 144].) Таким образом, в понимании Д. Бабаджаняна противоположная *честности* неискренность, является признаком незрелости и несообразительности.

«Я, просто, после того говна, которого насмотрелся, вот с этим последним Субо, я после этого поехавшего пытаюсь видеть все хорошее в людях. Вот в нем [Бумыче] я вижу что-то честное, по крайней мере, он [Бумыч] честно говорит сейчас.»

Рассматривая скандал, развернувшийся вокруг российского киберспортсмена Бумыча (Кирилл Михайлов), Д. Бабаджанян противопоставляет личность Кирилла личности Субо. Приведенная выше реплика Д. Бабаджаняна показывает, что видеоблогер ценит честность в других людях.

*«Че смешного-то? Я понять не могу! **Я искренне не понимаю! Б**ть [блин], каждый раз мне пишут подписчики Субо, что типа я вот урод, я типа паразит, что я не прав, что я просто завидую Субо... Ну, разное вы пишете ребят... Я же вот сейчас без хейта: можете, пожалуйста, мне объяснить, что вам нравится? Это даже не критика – я искренне, я просто реально хочу узнать, что вам в нем нравится.»***

В данном обращении к своей аудитории, и к аудитории обозреваемого им видеоблогера Субо Д. Бабаджанян приравнивает искренность, честность к доброжелательности, обращаясь к зрителям Субо «без хейта» (анг. “hate” – «нелюбовь», «ненависть»). Таким образом он хочет расположить к себе аудиторию Субо, чтобы те дали прямой ответ, на заданный Д. Бабаджаняном вопрос. Здесь актуализируется «прямота», указанная в словарной дефиниции честности.

*«Это что, попытка поставить в угол Золо за то, что он рекламирует скам? При этом у самого, да, рыльце в пушку... в Пушном я бы сказал рыльце, *смех* который Галилео вёл. Это, кстати, удивительно, Артём каждый раз критикует сам всех за **скам-рекламу**, а потом в каждом видео он рекламирует какие-то очень сомнительные телеграм-боты, где можно "сэкономить" на покупках... В этом же видео он кого-то обвиняет в рекламе скама...»*

Здесь Д. Бабаджанян обращает внимание на нечестность Артема Графа (популярный видеоблогер). В ироничной форме высмеивается факт рекламы Артемом различного «скама» (анг. “scam” – «афера»), т.е. мошенников. Отсюда можно прийти к выводу, о том, что в представлении Д. Бабаджаняна неискренность – это повод для высмеивания, порицания.

Высказываясь и делая замечания по поводу честности своих оппонентов, Д. Бабаджанян не забывает также быть честным и для своей аудитории:

«Ребята, перед тем как начнете смотреть этот видеоролик, я хочу предупредить вас, что видео получилось очень и очень балаганистым, очень много шумов, криков. Ну, наверно, из-за характеров присутствующих здесь личностей, наших в том числе. Но, для чистоты эксперимента, мы не выдираем, не убираем из монтажа ничего, что могло бы повлиять на его целостность, только какие-то технические моменты. Поэтому смотрите то, как это есть. Нам очень важно ваше мнение, и поэтому даже там, где мы обсираемся, мы никогда не убираем, не вырезаем ничего. Смотрите то, как есть, ведь именно из-за этого вы нас и, наверно, полюбили, поэтому приятного просмотра.»

Данный отрывок – это дисклеймер к интервью YouTube-канала ИБ с Николаем Соболевым. Анализируя свой собственный видеоролик, Д. Бабаджанян открыто предупреждает зрителей о недочетах интервью, которые могут затруднить его восприятие. Проявляя уважение к интервьюируемому, Д. Бабаджанян подмечает, что и команда ИБ несет за это ответственность (*«из-за характеров [...] наших в том числе»*). Videоблогер честен со своими зрителями, ценит их мнение и считает, что этим им и была заслужена любовь аудитории. Таким образом, к честности он также относит любовь, привязанность.

«Даже если я обосрюсь, это будет честно выложено на канал. Моя публика не даст соврать.»

В данном фрагменте Д. Бабаджанян обращается к Лине Диановой (блогер, известный видеороликами с психологическими разборами известных личностей), приглашает ее на дебаты. Тут в концепт *честность* вкладывается понятие принятия своих ошибок. В грубой форме Д. Бабаджанян, заявляет своему оппоненту, что он готов честно признать свое поражение в дебатах в случае ее победы (здесь рассматриваем слово «обосраться» как «сделать что-

л. крайне плохо, не выполнить задачи; опростоволоситься» [Мокиенко 2008: 158]).

Влияние феномена «культуры отмены» следует рассматривать именно в рамках концепта *честность*, так как в основном Д. Бабаджанян говорит о канселинге в контексте популярных экстрасенсов, так называемых «инфоцыган» и других блогеров, связанных в основном с рекламой сомнительных услуг.

«Блиновская – это отстой. Блиновская – это мошенница, которая заслуживает, ну, как минимум кэнсела в русскоязычном сегменте Ютуба, не знаю, инстаграма и в любых других соцсетях.»

«В общем, такая эпатажная девица [Елена Блиновская], которая занималась, да, все эти годы буквально мошенничеством, и сегодня я постараюсь еще раз напомнить или объяснить, если вы вдруг не знаете, почему это максимально общественно опасная личность, и почему это уголовное дело – вполне себе окончание ее карьеры.»

«Я бы осудил, если бы это касалось нормальных людей, но, когда речь идет про такой низкий уровень дискуссии с магами, мне кажется здесь в ход идут любые шутки. Мы не можем выглядеть хуже, чем они априори.»

«Мне кажется, вот тут вот идеально должна сработать кэнсел культура по отношению к таким чувакам! Я анти-каперщик!»

Следующий отрывок поможет добавить еще одно понятие к концепту *кринж* – *guilty pleasure*, что дословно переводится как «порочное удовольствие». Нам подойдет дефиниция, предложенная Urban Dictionary – «something cringe that you find joy in watching» («что-то кринжовое, что Вы любите смотреть» – здесь и далее перевод наш Е. Р.) [UD: электр. ресурс].

*«Я вот когда смотрю ролики Субо, почему это мое **гилти плеже**... Потому что это такое ощущение, будто какой-то собирательный образ моего дебильного одноклассника, которые и у вас наверно бывали в школе, теперь генерирует контент на YouTube. И у него вот тоже дружки вот*

эти, посмотрите – Эдвард Дэбил. Ты на это смотришь и это как машина времени – ты попадаешь туда!»

Выделяются признаки, характеризующие *кринж*: *кошмар*, *шок*, *экишон* (анг. “action” – «действие»), *говно* («нечто дрянное, никудашное (по качеству), гадкое» [Мокиенко 2008: 55]), *что-то с чем-то* («разг. о чем-либо, что вызывает сильные эмоции» [Кузьмич 2000: 286]), *стыдобища*, *приятно*, *ужасно*.

«Сегодня мы вновь смотрим кринж от мистера Субо! Я вам обещаю, я просто так не подобрал бы этот ролик для просмотра – это кошмар какой-то! Я умираю, я в шоке от того, что я увидел.»

«Мне хочется больше послушать рассуждения Артёма, потому что, когда он открывает рот, сразу экишон происходит, потому что столько говна на вентилятор из кринжа не накидывал еще никто.»

«Я вам всегда говорил, что взаимоотношения господина Субо с женщинами – это что-то с чем-то. Поэтому их наиболее кринжово наблюдать.»

«Давайте слегка отвлечемся от этого стыдобища с неучами. Чтобы мы не стали одними из них нужно постоянно обучаться.»

«В любом случае, это очень стыдное говно, которое мы сейчас видим.»

«Можете загуглить пранки Субо – очень кринжанете.»

«Всем привет, с вами Давид Бабаджанян, вы на канале ИБ, и сегодня мы с вами займемся очень приятным и одновременно ужасным делом – мы будем смотреть интервью Ивана Золо Артёму Графу.»

«Блиновская, она – очень кринжовый персонаж, и посмеяться над ней, конечно же, не грех.»

Следующий концепт видеоблога Д. Бабаджаняна, которому мы уделим внимание – *глупость*. *Глупость* (по словарной статье *глупый*) – 1. С ограниченными умственными способностями, несообразительный, бестолковый. 2. Не обнаруживающий ума, лишенный разумной

содержательности, целесообразности [СОШ 2006: электр. ресурс]. Также важной составляющей концепта *глупость* в видеоблоге ИБ является понятие *тупость*.

«Все, что он делает – это лютая тупость. Им двигали не разум, не рациональность, а шишка. Его факап, вообще, в том, что он связался с ней.»

Здесь *тупость*, при чем именно животная, о чем нам говорит эвфемизм «шишка» («мужской половой орган» [Мокиенко 2008: 289]) – подразумевается, что Бумыч был ведом самыми низменными человеческими желаниями – противопоставляется разуму, рациональности. Видеоблогер это называет «факапом», то есть позорной, жестокой неудачей (анг. “fuck up” – «провал»). Таким образом, понятия *факап*, *неудача* также включаются в концепт глупости.

Д. Бабаджанян часто говорит о недостаточной компетенции своих коллег-видеоблогеров:

«Нынешняя ютуб-эстрада не умеет, мать его, разговаривать! Это как сапожник, который не умеет шить сапоги! Это вызывает когнитивный диссонанс.»

«Баста, он – очень глупый человек, очень. Он максимально инфантилен, и он решил создать YouTube-шоу. Я это YouTube-шоу рассматриваю только как эго Басты, потому что оно ужасное, он плохой ведущий, его не должно быть здесь, а он сделал для себя такую игрушку, как маленький ребенок.»

«Я считаю, что если человек садится перед камерой и позиционирует себя как лидер мнений, готовый отстаивать свою позицию, который зарабатывает деньги тем, что разговаривает в камеру, то с задачей “разговаривать в камеру” – хотя бы – он должен справляться. Если он, как SNAILKICK, как Артем Граф, не справляется с тем, чтобы сложить хотя бы два логичных предложения, то ему не нужно заниматься блогингом. Это

банально и просто: ты работаешь на аудиторию, со словом, твоя задача – уметь выстраивать предложения.»

Здесь автором выделяются такие проявления глупости, как неумение грамотно строить и высказывать свои мысли, незрелость, инфантильность и непрофессионализм.

Входит в концепт *глупость* и понятие *дегенерат* – «человек с признаками дегенерации, то есть вырождения, ухудшения от поколения к поколению биологических или психических признаков организма» [СОШ 2006: электр. ресурс]. Такой человек, в сознании Д. Бабаджаняна, представляется так (здесь он делится своей оценкой видеоблога SNAILKICK):

«Всегда, в каждом политическом компасе находятся дегенераты, которые совершенно ни в чем не разбираются, которые не пытаются углубляться, с которыми не интересно дискутировать, потому что все их познания очень поверхностные, и они не хотят никак эволюционировать во что-то большее.»

Тут слово «дегенерат» употребляется в переносном смысле (глупый человек), чтобы выразить свое крайне отрицательное отношение не сколько к самому объекту критики, но к некоторой группе людей, на что указывает множественное число данного слова. Кроме этого, Д. Бабаджаняна подчеркивает определенные признаки «дегенерации» в переносном смысле – в его представлении, *глупость* таких людей заключается в неумении отстаивать свою точку зрения, формулировать и высказывать свое мнение. Это перекликается с мнением видеоблогера о «*нынешней ютуб-эстраде*», которая «*не умеет разговаривать*», так как «*ни в чем не разбирающийся*» SNAILKICK транслирует свое «*поверхностное*» мнение многотысячной аудитории.

Реагирую на интервью с киберспортсменом Кириллом Михайловым Д. Бабаджаняна высказывает такую позицию по поводу интервьюера:

«Ну, ведущему, видимо, не интересно это... Хотя, это было бы интересно спросить: “А чем ты думал, чувак?”. Он не хочет рефлексию Бумыча узнать. Мне кажется, он сам не рефлексирующий человек, судя по повадкам, и поэтому не хочет глубже копнуть. Поэтому интервью кажется поверхностным очень.»

Характеризуя интервьюера как «не рефлексирующего» человека, Д. Бабаджанян говорит, что «судит по повадкам». Слово *повадка* («наклонность, привычка (о людях - чаще плохая; разг.)» [СОШ 2006: электр. ресурс]) имеет негативную коннотацию – какое-то асоциальное поведение человека приравнивается к животным повадкам. Таким образом, Д. Бабаджанян описывает *глупость* ведущего-интервьюера, сравнивая его с животным, неспособным к *рефлексии*. Отсутствие *рефлексии* в интервью говорит о его поверхностном характере и отсутствии содержательности: «от того, насколько журналисту удалось разговорить собеседника, заинтересовать его своими вопросами, вовлечь в дискуссию, во многом зависят объем и качество получаемой им информации» [Ким 2001: 123].

«А вот эти вот детские глупые провокации людей... Это все у него вокруг какой-то похабицины крутится, если вы копнете в эту суть. Это все крутится вокруг того, чтобы просто типа познакомиться с кем-то для каких-то вот соитий... Ну неужели он не устал: каждый ролик, каждый раз он прогоняет эту чушь с женщинами, каждый раз он хочет показать себя каким-то мачо-меном, но при этом каждый раз он такой романтик, он хочет найти свою любовь, но не получается... Субо, но ты же не ищешь любовь – ты же хочешь засовывать камеры кому-то между ног! Это просто неадекватное поведение... Ты не задумывался о том, что когда-нибудь, когда ты встретишь действительно ту самую – чего я тебе желаю! – и она увидит твои ролики. Это же большая ответственность! Вот я, например, в интернете когда несу какую-то херню, всегда задумываюсь –

“Блин, а если это увидят, там, мои предки? Что они подумают?” – и стараюсь быть менее дебилом.»

Данный отрывок из реакции Д. Бабаджаняна на видеоблог Субо помогает нам включить следующие понятия в поле концепта *глупость*: *похабщина, чушь, неадекватность, херня* («ерунда, чушь» [Мокиенко 2008: 246]), *дебил/дебильный* («психически недоразвитый человек», «то же, что идиотический» [СОШ 2006: электр. ресурс]). Помимо этого, выделяется такая черта *глупого*, по мнению Д. Бабаджаняна, человека, как *безответственность*.

Высказывая свое мнение касаясь других видеоблогеров, Д. Бабаджанян делает ироничное сравнение их неразумными представителями живой природы. Здесь Д. Бабаджанян создает себе образ «исследователя» *глупости* современных видеоблогеров российского сегмента YouTube:

«Мы будем исследовать интервью Бустера Насте Ивлеевой. “Кто такой Бустер?” – вы меня спросите. – “Давид, что ты опять нам принес? Каждый раз захожу на ютуб, а там какая-то “Жизнь насекомых с Давидом Бабаджаняном”! Он опять смотрит под микроскопом на какие-то маленькие формы жизни и говорить, что они плохие или они тупые! Бабаджанян, ну ты, конечно, придумал, чем заняться!”»

«Многие из вас о нем не слышали – “Давид, кто же такой Субо? Каждый раз ты нам показываешь жизнь этих насекомых!” Это видео – верх того, что вызывает у меня отвращение!»

Д. Бабаджанян дает характеристику *глупости* через синонимическое этому понятию словосочетание *ментальная нищета* (*ментальный* – «относящийся к уму, к умственной деятельности» [СОШ 2007: электр. ресурс], *нищета* – «1. Крайняя бедность. 2. перен. Убожество (чувств, мыслей) (книжн.)» [СОШ 2007: электр. ресурс]). Таким образом, к концепту *глупость* можно добавить понятия *бедность* (в переносном значении от слова *бедный* – «имеющий недостаток в чем-н., скудный» [СОШ 2007: электр. ресурс]), *убожество* («перен. Ничтожность, скудость, посредственность»

[СОШ 2007: электр. ресурс]). Видеоблогер использует слово *инфузория-туфелька* как синоним более широкого понятия *одноклеточное* (в переносном смысле «глупый, тупой, примитивный человек» [Словарь молодежного сленга 2023: электр. ресурс]), а также понятие *зигота* («начальная стадия развития зародыша» [Горкин 2006: электр. ресурс], здесь также в переносном значении означает «примитивность»), характеризуя умственные и нравственные черты объектов реакций.

«Оказывается человечество настолько ментально обнищало, что Михаил Литвин, человек с разумом инфузории-туфельки, может пользоваться такой популярностью.»

«Эдвард Бил – это инфузория-туфелька, которая превратилась в человека! Эдвард Бил – это существо, которое очень быстро эволюционирует. Он не эволюционирует – он революционирует! Представляете? Это зигота, которая очень быстро превратилась во взрослого человека, но разум не успел за телом.»

Часто Д. Бабаджанян выражает возмущение глупостью объектов своих реакций, используя риторические вопросы и восклицания. Таким образом видеоблогер высказывает свое недоумение по поводу личностей, обозреваемых им. Так, например, к концепту *глупость* добавляется *оторванность от реальности*, то есть странные, по мнению Д. Бабаджаняна, представления известных блогеров о жизни их аудитории.

*«Ты че, тупой что ли? Что значит “все, можно завтра не приходить”? Это работа! Эдвард Дэбил, это работа! Что значит “можно не приходить из-за 15 тысяч”? Чувак, в Москве это, ну типа, даже не половина стоимости аренды его квартиры. Что значит “можно прое*ть [пропустить] из-за этого работу”? Вы точно в курсе, о чем вы говорите? Я просто в шоке, реально. Как же они оторваны от реальности...»*

В следующем отрывке также прослеживается понятие *непрофессионализма*, заключенное в концепт *глупость*:

«Ты тупой что ли? Он сказал ужесточить правила, а не упростить. Ты это монтировал! Ты не услышал, что он сказал?! Ты мог бы переслушать... У тебя логика какая? Она вообще существует?»

Для высмеивания глупых, с точки зрения Д. Бабаджаняна, представлений Эдварда Била о деньгах и материальных благах в общем, автор использует словосочетание *комнатный философ*. Данным словосочетанием Д. Бабаджанян отсылает к известному в русскоязычном интернете выражению «комнатный рэмбо» («человек, который в интернете “мачо”, а в жизни никто» [Словарь молодежного сленга 2023: электр. ресурс]). Видоизменяя псевдоним Эдварда Била, Д. Бабаджанян также показывает свое мнение по поводу его философских высказываний и личности в целом.

«Нет, деньги – это, возможно для тебя и таких, как ты пыль, но люди работают, люди стараются, чтобы прокормить себя и свою семью, и для них вот эта сумма – не пыль, и деньги – это не пыль. П*ц [ужас], философ ты комнатный! Пыль здесь только одна – это Эдвард Дэбиль.»

В следующих отрывках Д. Бабаджанян также высмеивает глупость Артема Графа, сравнивая его с чем-то неразумным, нечеловечным, путем использования местоимения «оно»:

«Он говорит, что читает книги! Вы верите, что он хоть что-то читал? Вы верите, что оно что-то читало?!»

Д. Бабаджанян называет Артема Графа *неучем, нетакусей*, а также использует в его отношении более метафоричные оскорбления: *наблик ВКонтакте из 2010-го, «Цитатки Джокера», «Мюсли Джокера»*. С помощью таких эпитетов Д. Бабаджанян дает субъективную оценку высказываниям Артема Графа, а именно его репликам в ходе интервью с Иваном Золо (TikTok-знаменитость).

Слово *нетакуся* образовано от словосочетания *не такой как все*, которое используется в интернете и в молодежной среде, когда речь идет о молодых людях (чаще о юношах), выставляющих на показ свой

нонконформизм и необычность, очень часто употребляется в отрицательном ключе, подразумевая инфантильность, незрелость, глупость (определение сформулировано нами на основе статьи «Я не такой как все» [Lurkmore 2023: электр. ресурс]).

Названия «*Цитаты Джокера*», «*Мысли/Мюсли Джокера*» отсылают к названиям групп, сообществ в социальной сети ВКонтакте, большая доля популярности которых пришлась на конец 2000-х – начало 2010-х гг. и связана с выходом кинокартины «Темный рыцарь» о противостоянии Бэтмена сумасшедшему супер-злодею Джокеру. Сообщества с «мыслями» Джокера публиковали всевозможные философские, часто преисполненные цинизма, цитаты будто бы от его лица – Джокеру, при этом, «приписывали любую чушь, лишь бы та шла против устоев общества и каким-либо образом подпитывала чувство собственной уникальности» [DTF 2021: электр. ресурс]. С течением времени, «Мысли Джокера» становились менее популярны, а на просторах интернета появлялись сообщества, их пародирующие (например, «Мюсли ДжоХЕРА», «Мюсли Чпокера» и т. п.). Таким образом, понятие *мыслей, цитат Джокера* также связано с напускным нонконформизмом, инфантильностью, незрелостью и глупостью.

«Ты учился вообще, неуч?!»

«Что ты несёшь вообще? Это вообще уголовное преступление. Что ты пытаешься донести? Что для них это троллинг? Нет, какие-то дебилы сталкерят людей и сообщают какие-то ужасные вещи о минировании в полицию. Чувак, это как бы уголовное преступление. Что ты хочешь этим сказать? Почему ты лоялизируешь в глазах аудитории отношение к этому? И в глазах Вани пытаешься: “Не, ну для них это просто троллинг”. Ты че, тупой что ли совсем? Какой “просто троллинг”?»

«Я хочу раздербенить теорию Артёма Графа прямо сейчас: я слушаю Милану Хаметову! Я столько в мире говна слушаю, смотрю и читаю, Артём. Вот сейчас смотрю говнище лютое. Как это “проецирует мои взгляды на жизнь”? Ты че, тупой совсем что ли? Чё ты несёшь? Чё ты высираешь,

нетакуся? Ты – наблик ВКонтакте из 2010-го, “Цитатки Джокера”, “Мюсли Джокера” ... Что ты вешаешь лапшу на уши этому Ване бедному?!»

«Что ты, черт подери, несёшь?! “Музыка проецирует твои взгляды на жизнь”? Что ты несёшь, чувак? Что это значит? Нетакуся, что ты выдумал?!»

Д. Бабаджаниян называет Субо *странным джином*, выражая свое недоумение по поводу его глупого, с точки зрения видеоблогера, расточительства. Здесь пересекаются концепт *кринж* и концепт *глупость*, так как описываемая Д. Бабаджанияном ситуация кажется ему стыдной и глупой одновременно.

«То есть Субо дал косарь чуваку, чтобы он до кого-то домогался? Великолепно! То есть просто кто-то подставился из-за косаря? Не, великолепно! Что вообще происходит? Почему он все время кому-то дает какие-то деньги за поступки? Что это за джинн такой странный в нашей современности?!»

«По-моему, это удар по чести и достоинству – он выглядел жалко за деньги.»

В следующем фрагменте Д. Бабаджаниян описывает глупость с помощью отсылки к мему из популярной культуры. Мем – это «мнемическая единица передачи культурно значимой информации о каком-либо объекте в комической форме, которая чаще всего имеет креолизованный характер» [Гридина 2020: 135], то есть сочетающая в себе вербальный и невербальный компоненты. В нашем случае Д. Бабаджаниян отсылает к известнейшему моменту из анимационного сериала «The Simpsons», в котором зрителям показывают, как один из главных героев, Гомер Симпсон, думает о детской игрушке обезьяны, играющей на музыкальных тарелках. Гомер Симпсон – карикатурно глупый персонаж, поэтому обезьянка с тарелками в голове стала очень известным изображением отсутствия мыслительной деятельности.

«Ну, если я Михаил Литвин, то в этот момент у меня [в голове] будет вот эта обезьянка...» [далее Д. Бабаджанян изображает, что играет на музыкальных тарелках]

Поп-культурные отсылки занимают значительное место в рамках концепта *глупость* видеоблога Д. Бабаджаняна. С их помощью видеоблогер усиливает юмористический эффест.

*«Он каждый раз дает пятюню за какую-то хрень... Ну, это реально **“Бивис и Баттхед”!**»*

*«Извините за этот стоп-кадр. Этот стоп-кадр, в принципе, как в фильме **“Идиократия”**, да? Вот тоже – показывают жопу, и все смеются в зале или, там, с ума сходят, так и у нас этот стоп-кадр характеризует то, о чем я говорю.»*

*«Это лучшее видео, которое мы видели в интернете! Это как просмотр серии **“Рика и Морти”!** Это гениально просто!»*

*«Тебе бы вот реально, Артём, продюсера. Может быть, хотя бы кто-нибудь со стороны сказал: “Стыдоба какая-то, убери!”. Может быть, продюсер подсказал бы, что не надо вот эти головы из **“Футурамы”** выводить на видос с интервью.»*

*«Это просто как будто бы скетч из серии **“Офиса”**. Артём очень похож на персонажа Майкла из сериала **“Офис”**. И вот у него как будто бы очередная серия, где Майкл решил, что теперь он интервьюер. Ну, это реально... Это просто... Ладно, Артём, чем бы дитё не тешилось, как говорится... Какое дитё? Взрослый мужик уже.»*

Вышеизложенный материал позволяет прийти к выводу, что наиболее крупными элементами концептосферы видеоблога «ИБ» являются концепты *кринж* и *глупость*. Это в первую очередь обусловлено характером выпускаемого Д. Бабаджаняном контента и жанровыми особенностями видео-реакций.

«След» «культуры отмены» можно проследить в поле концепта *честность*: в сознании Д. Бабаджаняна закреплено суждение о

справедливости «отмены» «нечестных» блогеров. По мнению видеоблогера, если интернет-знаменитость продвигает или сама была уличена в мошенничестве и бесчестности, она заслуживает общественного порицания и высмеивания и, затем, «отмены». Но, говорить о конкретном сильном влиянии феномена канселинга на лингвокогнитивную составляющую речевого портрета Д. Бабаджаняна нельзя, так как видеоблогер представляет аудитории YouTube контент развлекательного характера и не высказывается на какие-либо спорные темы, не транслирует радикальных мыслей.

2.2. Лингвопрагматическая специфика речевого портрета видеоблогера Д. Бабаджаняна

В данном параграфе нашей работы мы займемся описанием прагматического уровня речевого портрета Д. Бабаджаняна. Для этого мы изучим его речевое поведение в области целеполагания и взаимодействия с адресатом.

И. Н. Борисова определила речевое поведение как протекающую в реальных условиях пространства и времени, ситуативно и социально обусловленную коммуникативную деятельность [Борисова 2001: 182]. С позиции лингвопрагматики, «речевое поведение дискретно и представляет собой линейную синтагматическую последовательность речевых поступков, имеющих план выражения, соотносимый с вербальным уровнем коммуникации, и план содержания, соотносимый с когнитивным уровнем коммуникации» [Ланских 2008: 33]. Речевые поступки предпринимаются коммуникантами, чтобы свести к минимуму возможные отрицательные результаты общения, таким образом «регулируя деятельность собеседника» [Румянцева 2004: 7].

Так мы приходим к понятиям коммуникативной стратегии и коммуникативной тактики. Следует разобраться в том, как соотносятся данные понятия. В нашем исследовании мы будем рассматривать

коммуникативную стратегию и коммуникативную тактику как интенции говорящего, находящиеся на разных коммуникативных уровнях.

Именно в этом ключе рассматривали стратегию и тактику Я. Т. Рытникова и А. В. Ланских. По Я. Т. Рытниковой коммуникативная стратегия находится на порядок выше коммуникативной тактики, представляющей собой «одну из последовательно решаемых задач в границах определенной стратегической линии» [Рытникова 1996: 94]. А. В. Ланских считает, что содержание коммуникативной стратегии определяется коммуникативными тактиками. Коммуникативная стратегия в работе А. В. Ланских определяется как «генеральная макроинтенция, определяющая организацию речевого поведения коммуниканта в соответствии с коммуникативными / некомуникативными целями говорящего и специфическими условиями общения» [Ланских 2008: 34]. Коммуникативная тактика – это «локальная интенция, задающая актуальный смысл конкретного речевого поступка в разворачивающемся ситуационном, социальном и культурном контексте» [Ланских 2008: 34].

В аспекте целеполагания А. В. Ланских выделяет в речи «три разнопорядковых уровня: два смысловых уровня и уровень речеоформления» [Ланских 2008: 32]. При этом отмечается формальное наличие в концепции коммуникативных стратегий и коммуникативных тактик только двух уровней, из-за чего явление, представляющее низший уровень абстракции, не имеет определенного термина [Ланских 2008: 32]. В связи с этим единица низшего уровня концепции стратегий и тактик описывается исследователями с помощью термина «речевой ход», означающего «принадлежащее одному коммуниканту синтагматически обусловленное (особенно сильно зависящее от предшествующего контекста) высказывание, обладающее стратегической функциональной значимостью» [Матвеева 2003: 288-289]. А. В. Ланских описывает данную единицу как «характеризующийся определенным способом речевой организации фрагмент реплики одного коммуниканта, посредством которого осуществляется манифестация коммуникативной

тактики» [Ланских 2008: 34]. Можно сделать вывод, что речевой ход является оформлением речевой тактики.

Из вышеизложенного следует, что описание речевого поведения видеоблогера заключается в определении коммуникативных стратегий, которые определяются общим представлением конечной цели общения, коммуникативных тактик в рамках этих стратегий, а также речевых ходов, с помощью которых реализуются эти коммуникативные тактики.

Чтобы определить структуру и сущность коммуникативной стратегии, обратимся к монографии О. С. Иссерс «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи». Исследователь разделяет коммуникативные стратегии на основные и вспомогательные. Основные включают в себя коммуникативные стратегии, связанные с влиянием на адресата, вспомогательные способствуют эффективности этого влияния, то есть направлены на оптимизацию организации взаимодействия [Иссерс 1999: 139]. Коммуникативную стратегию самопрезентации, отнесенную О. С. Иссерс к вспомогательным, мы будем рассматривать в рамках основных, так как она выступает общей целевой установкой для всех блогов.

Блогеры используют множество коммуникативных тактик в рамках самопрезентации. Выбор определенных речевых тактик чаще всего происходит в зависимости от индивидуальных особенностей языковой личности, общественного контекста, целей и задач коммуникации.

Некоторые исследователи рассматривают речь, имеющую цель самопрезентации личности, с позиции коммуникативных постулатов Г. Грайса [Стернин 1995, Ширяев 1996, Иссерс 2000, Формановская 2007], которые устанавливают максимы великодушия, одобрения, такта, симпатии и скромности [Грайс 1985]. Цифровое пространство нашего времени демонстрирует, что стратегию самопрезентации можно успешно реализовать и опустив эти максимы. Это подтверждается характером коммуникативной практики в современной блогосфере, часто заключающейся в конфликтной самопрезентации.

Классификация А. В. Ланских, предлагающая две группы коммуникативных стратегий, в зависимости от типа их реализации в речевом поведении (кооперативном или конфликтном [Ланских 2008: 47]), отражает данную тенденцию: исследователь отнес стратегию самопрезентации и к кооперативным, и к конфликтным стратегиям речевого поведения.

В нашем исследовании мы опишем собранный материал в соответствии с классификацией А. В. Ланских, включающей:

Стратегии кооперативного речевого поведения: 1) стратегия солидаризации (цель — демонстрация общности, близости, единодушия с коммуникативным партнером); 2) стратегия искренности (цель — демонстрация особого доверительного статуса межличностных отношений коммуникантов); 3) стратегия повышения статуса коммуникативного партнера (цель — самокоррекция «Я-темы» в пользу речевого «Я» собеседника); 4) стратегия самопрезентации (цель — моделирование образа говорящего); 5) стратегия создания позитивной тональности общения (цель — создание позитивной тональности общения) [Ланских 2008].

Стратегии конфликтного речевого поведения: 1) стратегия понижения статуса коммуникативного партнера (цель — создание негативной концепции личности коммуникативного партнера); 2) стратегия самопрезентации (цель — моделирование образа говорящего); 3) стратегия доминирования говорящего (цель — несанкционированное присвоение доминирующей роли); 4) стратегия коммуникативного противостояния (цель — противопоставление своего и чужого коммуникативных пространств); 5) стратегия гармонизации общения (цель — сглаживание противоречий); 6) стратегия негативной тональности общения (цель — создание негативной тональности общения) [Ланских 2008].

Рассматривая речь Д. Бабаджаняна в его видеоблоге «ИБ», мы попытаемся выявить основные, используемые им тактики и стратегии.

На YouTube канале «ИБ» размещено множество видеороликов, в основном представленных жанром «реакция». Коммуникативной целью

авторов, в том числе Д. Бабаджаняна, является передача информации о резонансных событиях и высказывание своего субъективного мнения, которые, в свою очередь, в данном случае определяют его речевое поведение.

Для интерпретации кооперативных стратегий и тактик речевого поведения блогера Д. Бабаджаняна использованы цитаты из видео, записанных в разные периоды времени. Интерпретируя их, мы сможем выявить коммуникативные предпочтения и динамику речевого поведения блогера. Большую значимость для определения коммуникативных правил общения с адресатом имеют вступительные слова в начале каждого видео, рекламные интеграции, выражение субъективного мнения по теме видео и заключительная речь.

*«Почему это делаем конкретно **мы**, наш канал, почему **Исмаилов и Бабаджанян** хотят предложить такую площадку? Ну, во-первых, и ты, и Стас были здесь, у нас на студии. И тебе, и Стасу **мы** задавали неудобные вопросы, у нас была живая дискуссия.»* (стратегия самопрезентации)

*«**Мы** действительно можем поднять уровень дискуссии в Восточной Европе на новый уровень, Коля! И ты можешь в этом поучаствовать!»* (стратегия самопрезентации)

*«Блин, **мы** как будто в видеосе “Реакция мамы на интернет”!»* (стратегия самопрезентации)

*«Лучшая пара на Ютубе, лучший ролик, который **мы** когда-либо видели.»* (стратегия солидаризации, Давид демонстрирует свою общность со зрителями)

*«А сегодня **мы** займемся очень кринжовой деятельностью – **мы** будем слушать ответку Артема Графа на **наш ролик**.»* (стратегии солидаризации самопрезентации)

*«Артём – это что-то с чем-то, поэтому **мы** сегодня всё внимание уделим ему.»* (стратегия солидаризации)

*«**Посмотрите**, он здесь даже вставил своё лицо и лицо Вани, да, слева, ну, чтобы **мы** поняли кто с какой стороны.»* (стратегия солидаризации)

«У меня стойкое ощущение, что огромное количество людей это теперь уже – после моих, особенно, выпусков – смотрят, вот, именно так, как я это смотрю – просто, как снафф-видео какое-то для угара.»
(стратегия самопрезентации)

«Мое субъективное все же мнение, но похоже на то, что все плохо про тебя думают, похоже на то, что это тебя позорит. Дальше отнесись к этим словам, как хочешь: можешь обидеться и оскорбиться, а можешь принять во внимание и измениться.» (стратегия искренности)

«Является ли это преступлением? Ну, приговора, конечно же, нет, но чисто с моей субъективной точки зрения, моя субъективная оценка всего происходящего, что, конечно же, это, как минимум, аморально и... Ну, в целом, да, это преступление.» (стратегия искренности)

«Так вот, Артем, я советую тебе все-таки согласиться на дискуссию по всей этой теме, связанной с тем, как мы тебе завидуем, связанной с тем, как ты используешь слова, по поводу, там, твоего понимания значения слова литература и русский язык... Если я во всем, о чем говорю ошибаюсь, то мы можем с тобой, абсолютно с уважительным тоном, я обещаю, на прямом эфире – ты скажешь свое, я скажу свое, подискутируем. Возможно, ты сможешь меня переубедить. Возможно, реально, реально, я чего-то не понимаю, я очень глуп, и я готов все-таки поменять свою точку зрения. Если я не прав, если я говорю что-то неправильное и ошибаюсь в своих выводах о тебе, то я готов принести свои извинения. Вообще, если я ошибаюсь, я не против принять этот факт и извиниться, то есть это не проблема. Просто мне кажется, что будет прикольно – прямой эфир, Артем. Все, все, все прикольно пройдет. Соглашайся!»

В цитате с приглашением Артем Графа в качестве оппонента на дебаты в прямом эфире прослеживается тактика признания субъективности: автор допускает свою неправоту и согласен на возможную смену своей точки зрения. Использование форм глаголов множественного числа демонстрирует

стремление к самоидентификации себя на основе принадлежности к «Мы-общности».

«Вот мы и досмотрели этот отвратительнейший ролик... Я будто бы искупался в говне, реально... Спасибо большое, что досмотрели, ребятки! Поставьте лайк, прожмите лайкос этот, подпишитесь на канал... Пойду помоюсь, что ли...»

«Я очень хочу, чтоб вы прожали на лайкос, подписались на канал, если не подписаны, и досмотрели обязательно этот ролик до конца – это важно: его удержание поможет нам. Вас ждет что-то сумасшедшее. Пожалуйста, пристегните ремни, мы улетаем – это кошмар какой-то! Давайте, погнали, долго не будем тянуть.»

«И плюс не будет никаких перекрикиваний, перебиваний, никакой предвзятости с нашей стороны тоже не будет. Мы можем тебе это гарантировать!»

«Вообще, Бумыч вышел, скажем так, в инфополе не киберспортивных людей, и не людей, интересующихся компьютерными играми, на самом деле, не своим чемпионским статусом, а тем, что у него произошел скандал с женой. То есть такой классический Дом-2, и я решил, что надо после всех этих моих остросоциальных, как мы снимали про ВИЧ-дисидентку или про омерзительного Субо, я решил сделать такой немного расслабляющий, веселый выпуск и послушать историю Бумыча.»

YouTube-канал «ИБ» является площадкой для трансляции субъективного мнения видеоблогера по поводу тех или иных проблем российского интернет-сообщества, освещая которые, видеоблогер использует конфликтные стратегии и тактики речевого поведения. Во время освещения новости о задержании Е. Блиновской и реакции на один из видеороликов лайфстайл-блогера Субо, блогер даёт оценочное суждение их личностям и деятельности, используя тактики, констатирующие стратегию понижения коммуникативного статуса оппонента.

Про Субо: «Ну, это сразу видно, какое-то у него мышление лудомана, да?»

«Извините за этот стоп-кадр. Этот стоп-кадр, в принципе, как в фильме “Идиократия”, да? Вот тоже – показывают жопу, и все смеются в зале или, там, с ума сходят, так и у нас этот стоп-кадр характеризует то, о чем я говорю.»

Д. Бабаджанян пародирует Субо: «Жопа! Вау!»

О Блиновской: «В общем, такая эпатажная девица, которая занималась, да, все эти годы буквально мошенничеством, и сегодня я постараюсь еще раз напомнить или объяснить, если вы вдруг не знаете, почему это максимально общественно опасная личность, и почему это уголовное дело – вполне себе окончание ее карьеры.»

«Что ж, вся эта тема достаточно интересная для обсуждения, мне бы хотелось немного углубиться и подробно с вами подискутировать на тему того, почему эти инфоцыгане настолько популярны, почему они пользуются таким широким и достаточно хорошим общественным доверием, которое они используют для каких-то нелегальных, собственно, заматов с уклонением от налогов»

«Елена Блиновская – это человек самых низких моральных качеств.»

«Мажористая сущность с напускными выебонами, колхозанский вайб»

Наиболее часто используется тактика обличения: блогер описывает антиобщественную и противозаконную деятельность Е. Блиновской и деструктивное влияние Субо. По отношению к ним видеоблогер блогер реализует тактику оскорбления, используя такие резкие выражения: *мажористая сущность, мышление лудомана, эпатажная девица.*

Обращаясь к Субо, Д. Бабаджанян также использует стратегию понижения статуса собеседника:

«Прости, Субо, всем насрать, что ты там рассказываешь. Интереснее поностальгировать.»

«Не знаю, правда, зачем Субе охрана...»

«Он выкручивает ему ухо и смеется... Субхан, 22 года, выкручивает человеку ухо и смеется...»

Помимо оценки представленных выше личностей, Д. Бабаджанян часто обращается к блогеру Артёму Графу, используя конфликтные стратегии и тактики, реализуя стратегию понижения коммуникативного статуса оппонента:

«Если вы читаете комментарии в его Telegramm, вы увидите, что там просто какой-то треш: там все время какие-то срачи, люди попускают Артема за чем-то – его подписчики! – пишут все время про него какие-то гадости... Просто вот, в целом, уровень токсичности такой же, как у любого фрика в интернете, но он почему-то стремится к этой узнаваемости...»

«Я просто впервые вижу на столько самовлюбленного человека, чтобы он сам про себя записал столько shorts'ов и сам называл их типа “круто” про самого себя... Я в шоке с этого гения!»

«А у тебя много вообще... извилин?»

«С высоты графьева полета»

«Чертов ты Граф!»

«Что ты, черт подери, несёшь? “Музыка проецирует твои взгляды на жизнь”? Что ты несёшь, чувак? Что это значит? Нетакую, что ты выдумал?»

«Ты че, чувак, какой телеграмм-бот “Пенное”? И что там можно купить? Кстати, он рекламировал казино, после этого он типа открестился, теперь он не рекламирует больше скам: “Че вы от меня хотите, я перестал рекламировать скам на уровне казино, теперь я рекламирую какие-то странные телеграмм-боты, где можно по скидке купить...”. Ну, чувак, расслабься.»

«Когда ты смешен – это не круто, это, наоборот, должно стать для тебя мотивацией стать лучше и, возможно, как-то переиначить все это, но

нет... Нет, Артем хочет в соперничество, но не в прямой эфир с нами, отмечу!»

Тактика оскорбления в приведенных примерах реализуется через оценочные номинации *фрик, нетакуся*, а также употребление в ироничном ключе *гений*. Также используется тактика обличения и обвинения. Автор указывает на факт рекламы А. Графом казино, обвиняет в рекламе мошеннических Telegramm-ботов и упрекает в отказе от прямых дебатов.

Часто Д. Бабаджанян прибегает к стратегии коммуникативного противостояния. Videоблогер с помощью тактики обличения противопоставляет «свободный и цивилизованный интернет» «подневольному дремучему телевидению», а также продюсерским YouTube-проектам.

«Не Дом-2 формат, не у какого-нибудь Амираана, не у какого-нибудь Серго и Кахи. Это не «Что Было Дальше?». Это реальные дебаты, где будет и конструктивная речь, и каждый оппонент будет по таймингу высказывать свое мнение.»

«Вообще, Бумыч вышел, скажем так, в инфополе не киберспортивных людей, и не людей, интересующихся компьютерными играми, на самом деле, не своим чемпионским статусом, а тем, что у него произошел скандал с женой. То есть такой классический Дом-2.»

«Когда мы бежали с телевидения и думали о том, что мы не хотим смотреть этот устарелый телек с кучей пропаганды, с продюсерскими какими-то говношоу, мы пришли именно на YouTube и, в целом, в Интернет для того, чтобы этого не видеть. И мы думали, что здесь этого не будет! YouTube сейчас буквально монополизируется вот теми самыми продюсерами, которые пришли с телевидения!»

Влияние феномена «культуры отмены» на прагматический уровень речевого портрета Д. Бабаджаняна прослеживается в частом использовании видеоблогером стратегии гармонизации общения, реализуемой использованием тактики осуждения собственного высказывания:

«Осуждаю! Это ужасная шутка.»

«Бумыч прям базированный куколд. И я это без оскорблений говорю. Вообще, я осуждаю так называть людей, и я не шеймлю его за это»

«Я осуждаю. Осуждаю. Вы сами знаете, что это. Это блэкфейс. Мы против.»

«Наверное, нужно доработать эти экспертизы, но я могу ошибаться... Осуждаю...»

«Слушайте, а обсуждение этого вот, я, например, не знал, что такое закладки, ну реально, а сейчас я вот как-то заинтересовался. Можно назвать это пропагандой? Ладно, осуждаю, конечно.»

«Ну это фейшейминг, я осуждаю! Это фейшейминг, Сара! Мы не комментируем внешность!»

Опыт описания прагматического уровня речевого портрета Д. Бабаджаняна позволяет сделать вывод, что данный уровень языковой личности, равно как и лингвокогнитивный, мало подвержен влиянию феномена «культуры отмены».

2.3. Стилистическая специфика речевого портрета видеоблогера

Д. Бабаджаняна

Описание вербально-семантического уровня речевого портрета личности заключается в определении отличительных характеристик речи конкретной языковой личности.

В Лингвистическом энциклопедическом словаре дано следующее определение стиля – «разновидность языка, закреплённая в данном обществе традицией за одной из наиболее общих сфер социальной жизни и частично отличающаяся от других разновидностей того же языка по всем основным параметрам – лексикой, грамматикой, фонетикой. Три наиболее крупных стиля языка в этом значении – это нейтральный, книжный (более “высокий”) и разговорный (более “низкий»)» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 494-495]. Т. В. Матвеева более подробно

описывает крупные стили языка: нейтральный стиль «восходит к общенародному языку... и составляет общий стилистический фон речевой деятельности», книжный стиль «связан со всеми интеллектуальными сферами деятельности и носителями – образованной частью общества, а сниженная разновидность языка «восходит к первоначально общей непринужденной устной речи, а также речи социальных низов» [Матвеева 2010: 465]. Описывая стилистические особенности интернет-общения, М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский пишут, что в интернете «снимаются ограничения, накладываемые на речь в официальном общении, речь становится свободной и раскованной и сближается с разговорной, в ряду нейтральных языковых средств широко используются жаргонизмы, в том числе грубые» [Кожина 2008: 386]. Таким образом, публичные блоги могут содержать в себе обширный спектр стилевых черт.

В функционально-стилевом аспекте исследователи определяют стиль как «разновидность литературного языка, в которой язык выступает в той или иной социально значимой сфере общественно-речевой практики людей и особенности которой обусловлены особенностями общения в данной сфере» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 567-568]. На основании выдвинутых функций языка (функция общения, функция сообщения и функция воздействия) В. В. Виноградовым выделяются следующие стили, в которых данные функции реализуются: обиходно-бытовой (функция общения), официально-документальный и научный (функция общения), публицистический и художественно-беллетристический (функция воздействия) [Виноградов 1963: 201]. Авторы учебника по стилистике русского языка говорят о функционально-стилистической разнородности языка в интернет-среде ввиду разнообразности жанров существующих в ней текстов [Кожина 2008: 384]. Е. Н. Галичкина, рассматривая компьютерный дискурс, приходит к мысли о том, что цифровое общение сочетает в себе черты всех стилей. Она пишет: «компьютерное общение, вместе со стилем масс-медиа, занимает срединное положение по оси рациональности, которая

представлена официально-деловым стилем, со строгим делением на логические отрезки, с использованием стандартных языковых конструкций, на одном полюсе и обиходно-разговорным стилем, характеризуемым отчетливо выраженным авторским началом и эмоциональной окрашенностью речи, на другом» [Галичкина 2001: 157-159]. Но чаще всего интернет-блоги относят к публицистическому стилю из-за обилия присущих ему стилевых черт: «сочетание экспрессии и стандарта, социальной оценочности, адресованности и т.д.» [Кожина 2008: 384].

В данной работе, говоря о стиле, мы будем отталкиваться от определения, предложенного Т. В. Матвеевой, «разновидность национального языка в его индивидуально присвоенном, творчески преломленном речевом виде, речевая манера личности» [Матвеева 2010: 465]. М. Я. Дымарский рассматривает индивидуальную речевую манеру как «речевое поведение, определяемое типом социальной (в том числе коммуникативной) позиции, доминирующей в социальном бытии индивида, его характером и темпераментом» [Дымарский 2005: 141]. М. Я. Дымарский пишет, что речевая манера – «это аспект речевого поведения, включающий предпочитаемые индивидом синтаксические и интонационные конструкции, клише и штампы, пласты фразеологии и лексики» [Дымарский 2006: 82]. В. И. Карасик считает, что в речевой манере реализуется аспект коммуникативной компетенции, базирующийся на языковом чутье и языковом вкусе и включающий «систему установок человека в отношении языка и речи на этом языке» [Карасик 2003: 27].

Говоря о видеоблогах, следует отметить важность и значимость невербальной составляющей коммуникации. «Устное контактное непосредственное общение немислимо без невербальных компонентов» [Формановская 2002: 198]. В видеоблоге языковые знаки существуют в единстве с невербальными [Пикулева 2003: 132]. Такие поликодовые тексты часто называют креолизованными, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной

(принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов 1990: 180-181]. Таким образом, описание стилистической специфики речевого портрета видеоблогера Д. Бабаджаняна требует рассмотрения в контексте креолизованных текстов.

Далее именно в таком ключе и будет представлен анализ индивидуальной манеры речи видеоблогера Давида Бабаджаняна. Несмотря на развлекательный характер видеоблога «ИБ», манера речи Д. Бабаджаняна больше ориентирована в сторону публицистического функционального стиля, точнее, к его более неофициальному формату: видеоблогер активно использует в своей речи экспрессивные и оценочные языковые единицы. Об этом также позволяет говорить критическая составляющая видеоблога «ИБ», но стоит заметить, что Д. Бабаджанян не занимается именно академической критикой и больше делится своей субъективной точкой зрения.

В начале каждого видеоролика Давид представляется своим зрителям, дает краткий экскурс относительно объекта своей реакции и вводит публику в общих чертах в ее суть.

«Всем привет! С вами Давид Бабаджанян. Вы на канале “ИБ” и сегодня мы с вами посмотрим разоблачение Кати Коначевой на различных инфоцыган.»

«Всем привет! С вами Давид Бабаджанян. Вы на канале “ИБ”, и я рад для вас вновь вещать, дорогие друзья. Надеюсь, вы подписаны на канал и прожали сейчас лайкос. Я напоминаю об этом вначале видео, потому что Артем Граф сказал, что “напоминать об этом вначале видео – это зашквар”. Но ладно... Всем подписанным – спасибо, всем, кто не подписан и сейчас подписывается тоже огромный респект. А сегодня мы займемся очень кринжовой деятельностью – мы будем слушать ответку Артема Графа на наш ролик.»

«Всем привет! С вами Давид Бабаджанян. Вы на канале “ИБ”, и, да, я по вам соскучился! Сколько? Девять – десять дней не было роликов на канале – отдыхал и плюс были дела семейные... Поэтому я вернулся, чтобы вновь

вместе с вами окунуться в мир кринжа с Артемом Графом. Артем Граф сделал пятнадцатиминутный ролик про Дашу Дошик, которая “довела его до истерики”.»

«Всем привет! С вами Давид Бабаджанян. Вы на канале “ИБ” и сегодня мы с вами займемся очень приятным одновременно и одновременно очень ужасным делом – мы будем смотреть интервью Ивана Золо Артему Графу.»

Автором употребляются приветственные фразы-клише. Слова и словосочетания *мы, мы с вами, я по вам соскучился, вместе с вами, я рад для вас вновь вещать, дорогие друзья* призваны вызвать у зрителя ощущение доброжелательности и приятной компании. Д. Бабаджанян представляется публике скорее как приятель для совместного просмотра видео, а не как критик-обозреватель. Таким путем видеоблогер хочет привлечь аудиторию к активности и заинтересовать их в диалоге с ним посредством комментариев, хотя и не всегда говорит об этом напрямую.

Очень часто речь Д. Бабаджаняна как бы диалогическая: он задает вопросы, ведет обсуждение как со зрителями, так и с героями своих реакций, «разговаривает» с персонажами просматриваемого видеоролика. Это, на самом деле, довольно распространенная черта жанра «реакция» («Реакция – жанр видео, в котором один блогер или группа блогеров «реагирует» на какое-либо видео, высказывая на протяжении всего видео свое мнение. Зачастую блогеры снимают видео в жанре «реакция», чтобы опорочить честь и достоинство других блогеров, с которым они находятся в состоянии конфликта. В таких видео присутствует эмоционально-окрашенная лексика, отрицательная тональность сообщения, не лишены подобные видео употребления обценной лексики. В общем, наполнены негативной коннотацией» [Лушиков, Тарских 2018: 68]). Таким образом видеоблогер стирает временные границы и рамки между собой и своим зрителем: заранее записанный и подвергшийся монтажу видеоролик предстает публике больше походящим на прямой эфир.

«Извините за этот стоп-кадр. Этот стоп-кадр, в принципе, как в фильме “Идиократия”, да? Вот тоже – показывают жопу, и все смеются в зале или, там, с ума сходят, так и у нас этот стоп-кадр характеризует то, о чем я говорю.»

«Ребятки, ставьте лайки, если считаете, что я наконец-то нашел человека, который более токсичный, чем я. Наконец-то! Мне всю жизнь пишут, что я токсик необъективный!»

«Вас ждет что-то сумасшедшее. Пожалуйста, пристегните ремни, мы улетаем – это кошмар какой-то! Давайте, погнали, долго не будем тянуть.»

«Давай уже к сути видео переходи, Субханчик.»

«В общем, Суб, без каких-либо сейчас подьёбов, ты выглядишь жалко в этом, и я бы тебе посоветовал поменять то, что ты делаешь, потому что это не я придумал, что это тупо, – это реально плохо.»

«Объясняю Субо – я, как эдвардэбилолог – это капитан Мамура, это такой вымышленный образ Эдварда Дэбила, в котором он притворяется представителем правоохранительных органов и доебывает людей на улице.»

«Артем, никто не предъявлял тебе за то, что по-своему понимаешь смысл книги, никто. Ты перехуевертил сюжет книги. Сюжет нельзя как-то иначе трактовать, понимаешь?»

«Ты очень смешной! Ты очень смешной и продолжай! Артем Граф...»

«Да, от других выпусков он будет отличаться тем, что в этот раз наебали тебя, а не ты – я так предполагаю, Миш.»

«То есть ты все-таки как Некоглай, возможно говоришь правду на 10 процентов, но припиздываешь на все 90, чтобы добавить драматичности, да? То есть все-таки нам не стоит верить ни единому слову Михаила Литвина? Правильно понимаю?»

«Окей, ты против... Но зачем ты так тупо аргументируешь то, из-за чего ты против? В этом претензия. Этого ролика бы не было, если бы ты не был таким тупорылым и мог бы свое мнение аргументировать.»

Тупорылым кривлянием, начитавшись говна в интернете, ты только позоришься и байтишь на себя вот такие ответки.»

*«Субо, советую, когда будешь на метро пешком идти, вот этот вот желтый рельс схвати и еще который под платформой одновременно... Просто схвати, попробуй. Интересно, что получится... Осуждаем! Никогда не делайте так, **ребятки!** Это опасно! Не нужно так делать!»*

Д. Бабаджанян в приведенных фрагментах употребляет множество обращений, личных местоимений, глаголов в форме второго лица. Наблюдается, что чаще Давид употребляет по отношению к своим зрителям обращение *ребята*, иногда даже добавляя к нему уменьшительно-ласкательный суффикс *-к-*. Отмечается панибратское обращение с героями реакций, с другой стороны, со своими зрителями Д. Бабаджанян общается в более уважительном ключе. В своей речи Давид солидаризируется со своей публикой, чаще употребляя местоимения *мы, нам*.

*«Да, **ребят**, я предлагаю перемотать вот эту вот унылую дрисню про то, как чуваку красят волосы.»*

*«**Прости, Субо**, всем насрать, что **ты** там рассказываешь. Интереснее поностаьгировать.»*

Следует также обратить внимание на множественное употребление в речи Д. Бабаджаняна обценной лексики и различного рода жаргонизмов и сленга (*кринж, токсик, токс, хейт, скам и т. д.*). Мат и сниженная лексика в речи видеоблогера используются для выражения негативного отношения к героям реакций, для повышения экспрессивности и эмоциональности высказываний, а также для усиления комедийного эффекта и иронии (выделяется такая функция ругательств – «добавить юмор, выразительность, шок» [Wilson, цит. по Кирсановой 2012: 18], таким образом ругательства реализуются как эксплетивы, наделяющие окружающие их слова потенциалом создавать юмор [Кирсанова 2012: 18]). Часто брань становится своеобразным маркером моментов кульминации в видеороликах Д. Бабаджаняна, после чего за ней следует смех или яркая жестикуляция. В

речи Д. Бабаджанян представлен широкий спектр современного интернет-сленга, знакомого большинству пользователей интернета, в особенности молодежи. Здесь мы имеем ввиду, что используемые Д. Бабаджаняном лексемы не имеют строго определенной сферы употребления, как, например, сленг геймеров, и присущи всему современному российскому интернет-пространству [НКРЯ 2023: электр. ресурс]. Также Д. Бабаджанян употребляет более старые единицы молодежного арго: *чувак, мажор, кайф*.

Отрицательное отношение к обозреваемым личностям Д. Бабаджанян выражает также с помощью преобразования их имен: использует усеченные формы именительного падежа при обращениях – *Суб, Миш*, что задает неформальный характер «диалога» Давида с объектами его реакций и придает его критике панибратский характер; добавляет уменьшительно-ласкательные суффиксы – *Субханчик, Колясик, Соболек (фамилия Николая Соболева)*, что показывает снисходительное отношение Давида к этим блогерам и его желание посмеяться над ними; употребляет прозвище Субо в дательном падеже (*Субе*), что также передает настроение панибратства; меняет форму имени собственного по созвучности – *Эдвард Дэбил/Дэбиль* – здесь вторая часть прозвища блогера *Эдвада Била* заменена на *дебил* («Бранно. О тупом, несообразительном человеке» [ГРАМОТА.РУ 2023: электр. ресурс]), придав этому прозвищу соответствующий смысл; добавляет суффикс *-ус* – *Снейлкикус*, чем усиливает юмористический эффект, отсылая зрителей к мему *Амогус/Amogus* («Искаженное наименование вышедшей в 2018 г. и ставшей популярной в 2020 г. многопользовательской двухмерной игры “Among Us”. В 2020 г. минималистичные рисунки персонажей игры (космонавтов и подражающих им импостеров/импосторов) заполнили социальные сети. В 2021 г. после публикации комикса с данным изображением на сайте Reddit.com Амогус (и изображение, и слово) стал самостоятельным мемом, который активно добавлялся в другие комиксы и мемы, мемное слово комбинировалось с другими реальными/выдуманными лексемами на *-ус/-us*, что придавало исходному содержанию абсурдность»

[Ребрина 2022: 302]). Так видеоблогер показывает свое пренебрежение к этим личностям, а также усиливает юмористическую составляющую своих видеороликов.

«Артём, стань наконец-то этим сигма-гигачадом, нитакусей! Ну стань ты им! Я жду... Вот VLink'ом ты стать должен, понимаешь? Твоя эволюция должна закончиться виджейлинкизацией, это будет великолепно.»

Для речи Д. Бабаджаняна также характерно использование авторских окказиональных новообразований: *эдвардебилолог*, *переху*вертил* [переврал], *снейлкикизация*, *виджейлинкизация*, *говноюмор*, *кринжвьюер*. Здесь также прослеживается ориентация видеоблогера на молодую аудиторию, знакомую с популярной культурой русскоязычного интернета. Лексема *эдвардебилолог* представляет собой сложение преобразованного прозвища Эдварда Била и корня *-лог-*; таким образом Д. Бабаджанян иронизирует над большим количеством реакций на Эдварда Била на YouTube-канале «ИБ», называя себя «знатоком» этого блогера. Лексема *переху*вертил* (в значении *переврал/перепутал*) также образована путем сложения корней *-хуе-* и *-верт-*, но с добавлением приставки *пере-*; Д. Бабаджанян использует это слово, чтобы передать крайнюю степень своего раздражения. Лексема *снейлкикизация* образована от псевдонима популярного видеоблогера SNAILKICK (Максим Киселев); Д. Бабаджанян неоднократно высмеивал его на своем YouTube-канале, поэтому среди аудитории «ИБ» *снейлик* превратилось в имя нарицательное, неся в себе смысл глупости, поверхностности, недалекости. Лексема *говноюмор* образована путем сложения корней *-говно-* и *-юмор-*; так Д. Бабаджанян усиливает свое негативное отношение и неприязнь к низкопробным, по его мнению, шуткам в интернет-сериале «Непосредственно Каха». Лексема *кринжвьюер* образована заменой части *интер-* в слове интервьюер словом *кринж*; Д. Бабаджанян подчеркивает *кринжовую* (стыдную), по его мнению, манеру поведения ведущего интервью с киберспортсменом Бумычем (Кириллом Михайловым). Лексема *виджейлинкизация* образована от псевдонима

российского треш-стримера VJLink, прославившегося прямыми трансляциями сомнительного содержания; в данном случае лексема *виджейлинкизация* несет негативный смысл морального и интеллектуального разложения.

Точно так же Д. Бабаджанян проводит параллель между Субо и другой знаменитостью российского YouTube, известной под псевдонимом *ozon671games3*. Озон (настоящее имя Роман Мальцев) известен на просторах российского интернета своими «алкостримами», где в прямом эфире транслирует свое неадекватное поведение [Грачева 2021: 205]. Поэтому образ Озона используется Д. Бабаджаняном для высмеивания анти-интеллектуальности, по его мнению, видеоконтента Субо.

Субо обращается к кому-то в ролике: Как прическа называется? Газон?

*Д. Бабаджанян: Прическа называется **Озон... 671 геймс!** Но это не у него, а у тебя, Суб.*

Важная стилистическая особенность манеры речи Д. Бабаджаняна заключается в частом употреблении слов – лингвистических маркеров «культуры отмены», это обусловлено подчинением правилам и этическим нормам, принятым в пространстве видеохостинга YouTube. Например, одной из самых часто употребляемых лексем в речи видеоблогера во время комментирования некоторых спорных социальных тем, является глагол *осуждаю*. Таким образом Д. Бабаджанян старается оградить себя от возможной «отмены» или преследования за мнение:

Е. Мизулина, говоря о творчестве артиста Моргништерна: [Творчество] связано с тематикой насилия...

Д. Бабаджанян: Осуждаю...

Е. Мизулина, далее: ... пропагандой наркотиков ...

Д. Бабаджанян: Осуждаю...

Е. Мизулина, далее: ... связанное с так называемым победобесием, то есть отрицанием роли советского народа в великой отечественной войне.

Д. Бабаджанян: Осуждаю, но победобесие не об этом. Когда говорят о победобесии... Блин, а мне можно вообще это объяснять или нельзя? Я боюсь, ребят... Короче, ладно, мне сложно объяснить. В рамках существующей цензуры...

Данный отрывок также показывает, что Д. Бабаджанян использует прием осуждения, чтобы обезопасить себя и от возможного административного или уголовного преследования. Но, с другой стороны, в репликах видеоблогера замечается характерная для его речевой манеры ирония, проявляющаяся в «комической реализации негативной установки» автора по отношению к *существующей цензуре* [Матвеева 2010: 136].

Среди других лексем-маркеров «культуры отмены» в речи Д. Бабаджаняна можно выделить: *репутация, бодипозитив* (The Body Positive – общественное движение, которое борется за «свободу от общественного мнения, которое диктует свои правила и создает проблемы людям, имеющим проблемы с фигурой» [Кенженбетова 2017: 213]), *токсичность* («прилагательное “токсичный” реализует метафорическую функцию в сферах социальной политики, экономики, культуры, межличностных отношений, отражая негативную оценку явления или человека» [Дмитриева 2022: 105]), *шейм, блэкфейс* (анг. blackface – название театрального образа темнокожего, в котором выступали белые актеры, наносившие на лицо гуталин. Считается, что такое высмеивание привело к укреплению отрицательных стереотипов о темнокожих. В наши дни в США считается оскорбительным и недопустимым [Долганов 2019:220]), *сталкинг* (анг. stalknig – преследование – форма харрасмента, домогательства, запугивания, проявляется, как правило, в преследовании и слежке за жертвой [Алимбаева 2018: 3]), *иноагент* («лицо, получившее поддержку и (или) находящееся под иностранным влиянием» [Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ]), *кэнсел, отмена, толерантность* («в политологии – терпимость по отношению к людям, отличающихся по их убеждениям, ценностям, поведению» [Долганов 2019: 216]), *политкорректность* («политическая

корректность – культурно-поведенческая и языковая тенденция, нацеленная на замену устоявшихся терминов, могущих задеть чувства и достоинство того или иного индивидуума эмоционально нейтральными или/и положительными эвфемизмами» [Большая актуальная политическая энциклопедия 2009: 243]).

Д. Бабаджанян в своих видеороликах крайне резко высказывается об интернет-знаменитостях, которые подозреваются или были замечены в мошенничестве. Говоря о Михаиле Литвине, Д. Бабаджанян делает акцент на его плохой репутации, называет его *кидалой*, *мошенником*, в кульминационной точке высказывания употребляет бранное *долбоеб*.

«История, действительно только для того, чтобы вообразить о ней, потому что только мошенники, рекламики скама, каперов и гивов – люди не очень честные на руку, мягко говоря – обладают такими “свободными суммами под рукой”. Удивительность этого видеоролика заключается в том, что абсолютный кидала рассказывает нам историю про то, как его кинули другие кидалы, и при этом преподносит это так, что мы должны сочувствовать долбоебу, который, блин, хотел купить машину за 15 лямов и всрал ее, потому что он не особо сообразительный. Без контекста, без каких-то нормальных пруфов [люди] верят чуваку, который обладает отрицательной репутацией...»

Далее Д. Бабаджанян говорит, что Михаил *не должен был стать видеоблогером*:

«Очень сложно слушать Михаила... Он не должен был стать видеоблогером, понимаете? Ну то есть он – нормис с вокабуляром абсолютного быдла, который должен был остаться где-то вот там, реально... Я помню, у меня были какие-то такие «сероватые» знакомые, абсолютно разбитые, алкашами какими-то стали... Вот кем он должен был стать.»

Михаил Литвин, чей контент «смело можно назвать деструктивным» [Дудкина 2022: 775], по мнению Д. Бабаджаняна, может быть справедливо подвергнут отмене. Так же резко отрицательно видеоблогер высказывается о

Елене Блиновской, которая в апреле 2023 года была задержана СК по делу о неуплате налогов [РБК: электр. ресурс]:

«Блиновская – это отстой. Блиновская – это мошенница, которая заслуживает, ну, как минимум кэнсела в русскоязычном сегменте Ютюба, не знаю, инстаграма и в любых других соцсетях.»

В видеоролике, посвященном российскому киберспортсмену Бумычу (Кириллу Михайлову), Д. Бабаджанян в ироничной форме высказывает свое сочувствие по поводу ситуации в которой оказался геймер. В мае 2022 года Кирилл был исключен из состава киберспортивной команды NAVI из-за скандала, связанного с его личной жизнью:

«Бумыч прям базированный куколд. И я это без оскорблений говорю. Вообще, я осуждаю так называть людей, и я не шеймлю его за это»

Говоря о блэкфейсе, Д. Бабаджанян делает комедийное замечание по поводу происходящего на экране – у Эдварда Била лицо в какао-порошке, Субо кричит, лицо черное:

«Я осуждаю. Осуждаю. Вы сами знаете, что это. Это – блэкфейс. Мы против.»

Лексема *сталкинг* употребляется в речи Д. Бабаджаняна в более нейтральном смысле и не имеет коннотативного значения *домогательство*.

«Артём решил попробовать себя в новом амплу – теперь он интервьюер, и я не могу не проследить за его развитием, да. Это как вы сталкерите своих бывших – так же я сталкерю своих бывших, скажем так, объектов для реакций.»

С другой стороны, относительно действий, несущих реальную угрозу людям, видеоблогер высказывается довольно резко:

«Какие-то дебилы сталкерят людей и сообщают какие-то ужасные вещи о минировании в полицию. Чувак, это как бы уголовное преступление!»

Следующий фрагмент взят из видеоролика, в котором помимо Д. Бабаджаняна присутствуют еще два ведущих. Лексема *иноагент*

используется в ироническом контексте. Д. Бабаджанян преувеличивает и гиперболизирует ситуацию для усиления юмористического эффекта.

«Почему его до сих пор иноагентом не объявили? Его надо в иноагенты записать, потому что мне кажется, что это реально опасно для российского общества! Я не шучу – это уже как минимум три человека сейчас сходят с ума.»

В репликах Д. Бабаджаняна наблюдается оценка тех или иных понятий из дискурса «культуры отмены». По большей части Д. Бабаджанян иронизирует, но в вопросе обсуждения внешности героев его реакций он более серьезен.

«Ну, это, кстати, современненько было б, бодипозитивненько. Я даже одобряю.»

«Ну это фейшейминг, я осуждаю! Это фейшейминг, Сара! Мы не комментируем внешность!»

«Но ты бы забанил Twitch, потому что там много людей... У которых было соитие... И они нетрадиционной ориентации?.. Я... Я очень толерантно высказал мысль и политкорректно?»

Говоря о «культуре отмены», Д. Бабаджанян чаще употребляет лексему *кэнсел*. Д. Бабаджанян описывает демократическую повестку в целом и канселинг в частности как несправедливую и бесчеловечную *машину*. С другой стороны, Д. Бабаджанян рассматривает канселинг как нужный и справедливый инструмент борьбы с несправедливостью и обманом, как например, в отношении Е. Блиновской, М. Литвина, Эдварда Била и других блогеров и *каперов* (от англ. *handicapper* – человек, предсказывающий выигрышную ставку).

«Во всей повестке, которую несет тоталитарная демократическая партия Соединенных Штатов, убивающая людей между прочим, во всей этой ужасной вещи, с помощью кэнсел культуры которой убиваются и уничтожаются ненужные люди с ненужными политическими взглядами и

перераспределяются богатства, во всей этой машине самым главным врагом ты выбрал толстух?»

«Мне кажется, вот тут вот идеально должна сработать кэнсел культура по отношению к таким чувакам! Я анти-каперщик!»

Из разобранный выше материала можно прийти к выводу, о влиянии феномена «культуры отмены» на речевую манеру видеоблогера Д. Бабаджаняна. В его речи отмечается большое количество лексических единиц-маркеров «культуры отмены». Чтобы смягчить свои мысли и высказывания видеоблогер старается формулировать предложения более политкорректно, отмечается активное использование лексемы *осуждаю* для избежания «удара» канселинга.

Выводы по главе 2

В данной главе было проведено описание речевого портрета личности видеоблогера Давида Бабаджаняна. В рамках нашего описания был проведен анализ трех уровней языковой личности видеоблогера.

В ходе рассмотрения лингвокогнитивной специфики речевого портрета Д. Бабаджаняна были выделены ключевые компоненты концептосферы видеоблога «ИБ»: *кринж, честность, глупость*. Было отмечено влияние феномена «культуры отмены» на смысловое наполнение концепта *глупость*.

Далее была описана лингвопрагматическая специфика речевого портрета Д. Бабаджаняна. В итоге нашего описания был сделан вывод о том, что данный аспект был наименее подвержен влиянию феномена «культуры отмены».

В ходе анализа стилистической специфики речевого портрета Д. Бабаджаняна нами были выделены лингвистические маркеры влияния феномена «культуры отмены» на коммуникативную личность видеоблогера.

Заключение

Данная работа была посвящена исследованию проблемы описания речевого портрета видеоблогера, а также крайне актуальному в наши дни феномену «культуры отмены» и его влиянии на языковую личность.

В ходе исследования были рассмотрены и изучены ключевые понятия, а также конкретизированы направления исследования. Мы изучили проблематику соотношения понятий «языковая личность» и «речевой портрет». Термин «языковая личность» в труде Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» определен как «человек в его способности воспринимать и порождать речь (дискурс), владеющий системой языка и использующий ее для достижения в процессе коммуникации тех или иных неречевых и речевых целей» [Караулов 1987: 56]. Речевой портрет рассматривается как жанр описания языковой личности. В отношении речевого портрета видеоблогера, мы пришли к заключению о необходимости рассмотрения трех его аспектов: лингвокогнитивного, лингвопрагматического и стилистического.

Следующим этапом нами был изучен феномен «культуры отмены». Мы рассмотрели исследования М. В. Субботиной, А. Ф. Фефелова, А. А. Ароянц, В. М. Башилова и многих других. Мы приняли следующее определение понятия «культуры отмены»: «способ привлечь к ответственности за социально-этические нарушения как известного, имеющего власть человека или группу, так и простых людей через отказ от поддержки, публичное массовое осуждение» [Васильева 2020: электр. ресурс]. Также мы выделили и описали особенности данного феномена и привели примеры из различных информационных дискурсов.

В практической главе нами был описан речевой портрет видеоблогера Д. Бабаджаняна в трех его аспектах. На лингвокогнитивном уровне мы рассмотрели особенности основных компонентов концептосферы видеоблога

«ИБ». Выполнив анализ ключевых концептов данного видеоблога, мы составили представление о важных для Д. Бабаджаняна аксиологически осмысленных ментальных единицах (*кринж, честность, глупость*). Нами была выявлена тенденция в проявлении влияния «культуры отмены» в понятийном составе концепта *честность* видеоблога «ИБ».

В ходе лингвопрагматического анализа языковой личности Д. Бабаджаняна мы обратили внимание на коммуникативные стратегии и коммуникативные тактики наиболее активно используемые видеоблогером в речи. Для Д. Бабаджаняна крайне важна солидарность с его публикой, подписчиками. Влияние феномена «культуры отмены» на прагматическом уровне языковой личности Д. Бабаджаняна прослеживается наименее ярко.

Анализ стилистической специфики речевого портрета Д. Бабаджаняна был проведен с позиции рассмотрения и описания речевой манеры видеоблогера. Отмечены некоторые стилистические особенности: диалогичность речи, ироническая тональность, активное использование современного популярного интернет-сленга и активное использование сниженной лексики. Отмечается частое употребление слов – лингвистических маркеров влияния феномена «культуры отмены» (*осуждаю, шейм, кэнсел, отмена*).

Таким образом, комплексный анализ языковой личности видеоблогера Давида Бабаджаняна в трех аспекта иллюстрирует определенное влияние феномена «культуры отмены»: речь видеоблогера стала менее резкой, но, с другой стороны, крайняя ироничность позволяет Д. Бабаджаняну говорить довольно свободно, избегая опасности канселига.

Теме феномена «культуры отмены» и его влияния на речь отдельных личностей еще предстоит быть описанной в полной мере в будущих исследованиях. Перспективой данного исследования может стать изучение влияния феномена «культуры отмены» на современный интернет-сленг.

Список используемой литературы

Научная литература

1. Алимбаева А. А. Сталкинг: самоутверждение через сталкинг / А. А. Алимбаева // Colloquium-Journal. – 2018. – № 4-5(15). – С. 5–6.
2. Ароянц А. А. Культура отмены в современных коммуникациях / А. А. Ароянц, В. М. Башилова, А. М. Лоскутова // Коммуникационные процессы: теория и практика: Сборник материалов XVII международной научно-практической очно-заочной конференции, Краснодар, 28 октября 2021 года / Отв. редактор М.Б. Щепакин. – Краснодар: Кубанский государственный технологический университет, 2022. – С. 305–311.
3. Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов-Алексеев // Русская речь. Новая серия. – 1928. – Вып. 2. – С. 28–44.
4. Асташова О. И. Речевой портрет политика как динамический феномен : дис. ... канд. филол. наук / О. И. Асташова. – Екатеринбург : [б. и.], 2013. – 245 с.
5. Баранова М. В. Канселинг (cancel culture) как инновационный правокультурный феномен / М. В. Баранова // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 123–128.
6. Бирюкова Е. О. Индивидуальный речевой портрет говорящего в телевизионном дискурсе / Е. О. Бирюкова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2011. – Т. 11, 31-3. – С. 29–33.
7. Бирюкова Е. О. Языковая личность в контексте языковой игры (на материале российских ток-шоу) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. О. Бирюкова. – Вологда, 2012. – 23 с.
8. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дисс. ...д-ра филол. наук / Г. И. Богин. – Ленинград : [б. и.], 1984. – 31 с.

9. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И. Н. Борисова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 408 с.
10. Быков И. А. Коммуникативная агрессия в России: анализ мнения будущих политологов и журналистов / И. А. Быков, И. А. Гладченко // Среднерусский вестник общественных наук. – 2018. – Т. 13, № 1. – С. 94–100.
11. Быков И. А. Культура отмены в политическом дискурсе современной России / И. А. Быков, Ю. Д. Ахмедова // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. – 2021. – Т. 1, № 1. – С. 14–26.
12. Виноградов В. В. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1980. – 360 с.
13. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – Москва : Изд.-во Академии Наук СССР, 1963. – 253 с.
14. Винокур Т. Г. Речевой портрет современного человека / Т. Г. Винокур // Человек в системе наук. – Москва : Наука, 1989. – С. 361–370.
15. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): дис. ... к-та филол. наук / Е. Н. Галичкина. – Астрахань, 2001. – 212 с.
16. Герасимова И. Г. Движение #MeToo и его влияние на культуры отдельных стран / И. Г. Герасимова, Г. Т. Шамсутдинова // Современные вопросы филологии и переводоведения: сборник научных трудов, Чебоксары, 26 октября 2018 года. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2018. – С. 76–80.
17. Грайс Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 16. Лингвистическая прагматика. – Москва, 1985. – С. 217–237.
18. Грачева Ю. В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации / Ю. В. Грачева, С. В. Маликов // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 6(127). – С. 202210.

19. Гридина Т. А. Метаязыковой мем: лингвокреативные механизмы порождения и восприятия / Т. А. Гридина, С. С. Талашманов // Политическая лингвистика. – 2020. – № 2(80). – С. 134–143.

20. Дмитриева О. А. Семантическое развитие понятия "токсичность" / О. А. Дмитриева, Ю. Ху // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2022. – № 3(36). – С. 103–108.

21. Долганов Р. А. Феномен политкорректности в сфере шоу-бизнеса (на материале американских периодических изданий) / Р. А. Долганов, О. С. Зубкова // Язык. Образование. Культура: сборник научных трудов по материалам XIII Всероссийской научно-практической электронной конференции с международным участием, посвященной 85-летию КГМУ, Курск, 22–27 апреля 2019 года / Курский государственный медицинский университет; ООО «МедТестИнфо». – Курск: Курский государственный медицинский университет, 2019. – С. 215–228.

22. Дудкина А. В. Роль инфлюенсеров Instagram в формировании ценностных ориентиров российской молодежи / А. В. Дудкина // Коммуникативные исследования. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 767–781.

23. Дымарский М. Я. Речевая культура и речевая манера (к проблеме оценки нормативности речевой практики) / М. Я. Дымарский // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. Сб. статей. – Москва, 2006. – С. 173–186.

24. Дымарский М. Я. Речевая культура и речевая манера / М. Я. Дымарский // Русская языковая ситуация в синхронии и диахронии. – Санкт-Петербург : РГПУ, 2005. – С. 136–144.

25. Еремина С. А. Речевой портрет депутата Евгения Ройзмана / С. А. Еремина, А. Н. Потысьева // Политическая лингвистика. – 2005. – No 15. – С. 66–71.

26. Ерофеева Т. И. «Речевой портрет» говорящего / Т. И. Ерофеева // Языковой облик уральского города. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1990. – С. 90–103.
27. Залевская А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – Москва : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. – 382 с.
28. Земская Е. А. Речевой портрет ребенка (К вопросу о системности некодифицированных сфер устной речи) / Е. А. Земская // Язык: система и подсистемы : К 70-летию М. В. Панова. – Москва : Наука, 1990. – С. 241–260.
29. Зимняя И. А. Психологическая схема смыслового восприятия / И. А. Зимняя // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – Москва : Наука, 1976. – С. 5–8.
30. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография / О. С. Иссерс. – Омск : Омск. Гос. ун-т, 1999. – 285 с.
31. Карасик В. И. Речевое поведение и типы языковых личностей / В. И. Карасик // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс : сб. науч. тр. / под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной. – Москва : «Азбуковник», 2003. – С.24–45.
32. Карасик В. И. Речевое поведение и типы языковых личностей / В. И. Карасик // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс : сб. науч. тр. / под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной. – Москва : «Азбуковник», 2003. – С. 24–45.
33. Карасик В. И. Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2012. – 448 с.
34. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград, 2002. – 477 с.
35. Карасик В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2007. – 520 с.
36. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Антология концептов. – Т.1. – 2005. – С. 13-15.

37. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 263 с.
38. Кенженбетова А. Бодипозитив / А. Кенженбетова, Т. Высоцкая, А. Мякота // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2017. – Т. 7, № 1. – С. 213–214.
39. Ким М. Н. Технология создания журналистского произведения / М. Н. Ким. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001. – 320 с.
40. Кирсанова Н. Е. О прагматическом аспекте бранной лексики / Н. Е. Кирсанова // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. – 2012. – № 8. – С. 17–22.
41. Китайгородская М. В. Русский речевой портрет : Фонохрестоматия / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова – Москва : РАН, Ин-т рус. яз. – 1995. – 114 с.
42. Кишина Е. В. Речевой портрет регионального журналиста (по материалам кузбасских СМИ) / Е. В. Кишина, Т. Л. Пыхтина // Вестник Кемеровского Государственного Университета. – 2010. – №2. – С. 99–102.
43. Клобукова Л. П. Лингвометодические основы обучения иностранных студентов-нефилологов гуманитарных факультетов речевому общению на профессиональные темы : автореф. дис. ... докт. пед. Наук / Л. П. Клобукова. – Москва : [б. и.], 1995. – 45 с.
44. Кожевникова А. А. Культура отмены как один из противоречивых феноменов современного общества: генезис и пути развития / А. А. Кожевникова // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2022. – № 1-1. – С. 165-168.
45. Кожина М. Н. Стилистика русского языка : учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – Москва : Флинта : Наука, 2008. – 462 с.
46. Кочеткова Т. В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры : дис. ... д-ра филол. наук / Т. В. Кочеткова. – Волгоград : [б. и.], 1999. – 54 с.

47. Коэн Т. Конец привычного мира. Путеводитель журнала «Нож» по новой этике, новым отношениям и новой справедливости / Т. Коэн, Е. Иванова, Н. Травкина [и др.]. – Москва: Альпина Диджитал, 2021. – 384 с.

48. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2003. – 375 с.

49. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? : (Человек. Сознание. Коммуникация) / В. В. Красных. – Москва : Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.

50. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – 2001. – №1.– С. 90–106.

51. Кузнецов Г. Культура отмены: история и современность / Г. Кузнецов, М. Ступко // Социодиггер. – 2022. – Т. 3, № 3-4 (17). – С. 40–44.

52. Купина Н. А. Отмена русской культуры: идеологический маховик в действии / Н. А. Купина // Политическая лингвистика. – 2022. – № 5 (95). – С. 82–90.

53. Куслина А. А. Кринж - модное слово российского медиапространства / А. А. Куслина, С. Ю. Маркосова, Д. С. Мигун // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей: Статьи 21-й международной конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Санкт-Петербург, 09–11 марта 2022 года. Том Вып. 22. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2022. – С. 138-145.

54. Ланских А. В. Речевое поведение участников реалити-шоу: коммуникативные стратегии и тактики: дис. ... канд. филол. наук / А. В. Ланских; Урал. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2008. — 183 с.

55. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – Москва : Просвещение, 1969. – 214 с.

56. Лейко И. М., Маслова В. А. Параметры описания речевого портрета языковой личности / И. М. Лейко, В. А. Маслова // Язык и социальная динамика. – 2012. – № 12-1. – С. 414–420.

57. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – Москва, 1993. – № 1. – С. 3-9.

58. Лобанова Ю. В. Жанр кринж-комедии как свидетельство рождения нового модуса стыда / Ю. В. Лобанова, Е. И. Хереш // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2022. – № 3(107). – С. 53–61.

59. Лущиков В. А. Жанрово-тематические и языковые особенности видеоблогов / В. А. Лущиков, М. В. Терских // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2018. – Т. 4, № 14. – С. 57-75.

60. Мухлынкина Ю. В. Культура отмены: истоки, проявления, влияние на общество / Ю. В. Мухлынкина, А. И. Иванов // Позиция. Философские проблемы науки и техники. – 2022. – № 18. – С. 148–161.

61. Нерознак В. П. Языковая личность в гендерном измерении / В. П. Нерознак // Гендер: язык, культура, коммуникация: Тез. I междунар. конференции. – Москва, 1999. – 125 с.

62. Николаева Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания / Т. М. Николаева // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики : докл. Всесоюз. науч. конф. – Москва, 1991. – Ч.2. – С. 73–75.

63. Павлычева Е. Д. Характеристика особенностей понятия «речевой портрет» / Е. Д. Павлычева // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 6. – С. 110-115.

64. Панов М. В. История русского литературного произношения VIII – XIX вв. / М. В. Панов. – Москва : Наука, 1990. – 453 с.

65. Парсамова В. Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах: На материале писем Ю. М. Лотмана : дисс. ... канд. филол. наук / В. Я. Парсамова. – Саратов, 2004. – 223 с.

66. Пигин Д. В. Карантин как фактор усиления цифровизации и его влияние на «культуру отмены» / Д. В. Пигин // Мир и пандемии: трансформации, коммуникации, стратегии : материалы Всероссийской научной конференции студентов-стипендиатов Оксфордского Российского фонда (Екатеринбург, 25 ноября 2020 г.). – Екатеринбург : Изд во Урал. ун та, 2021. – С. 212–215.

67. Пикулева Ю. Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ: дис. ... канд. филол. наук / Ю. Б. Пикулева. – Екатеринбург, 2003. – 231 с.

68. Пименова М. В. Языковая картина мира: учеб. пособие / М. В. Пименова. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2011. – 106 с.

69. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва : АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

70. Попова З. Д. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Антология концептов. – Т.1. – 2005. – С. 7–10.

71. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. – Москва : Наука, 1996. – 224 с.

72. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. РКИ / Ю. Е. Прохоров – Москва : Гос.ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2003. – 266 с.

73. Ребенко Е. П. Кансел-культура как социальный феномен современного общества (на примере студенческой молодежи регионов России) / Е. П. Ребенко, В. В. Дьякова, Е. В. Каргаполова, Ю. А. Давыдова // Россия: Тенденции и перспективы развития : Ежегодник. Материалы XIII Международной научно-практической конференции, Курск, 03–04 июня 2022 года / Отв. редактор В.И. Герасимов. Том Выпуск 17. Часть 3. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2022. – С. 494–496.

74. Ребрина Л. Н. Мемы-тренды как актуальный формат протестной интернет-коммуникации в России / Л. Н. Ребрина, М. В. Милованова // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 3(94). – С. 301–305.

75. Романова Т. В. Коммуникативный имидж и речевой портрет современного политика / Т. В. Романова // Политическая лингвистика. – 2009. – №1 (27). – С. 109–117.

76. Рублик Т. Г. Языковая личность и её структура / Т. Г. Рублик // Вестник Башкирского университета. – 2007. – № 1. – С. 99–101.

77. Румянцева Е. Н. Регулятивные речевые действия как фактор успешности диалога и компонент коммуникативной стратегии партнеров по общению : автореф. .. дис. ... канд. филол. наук. / Е. Н. Румянцева ; Орл. гос. ун.-т. – Орел, 2004. – 17 с.

78. Рытникова Я. Т. Гармония и дисгармония в открытой семейной беседе / Я. Т. Рытникова // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург, 1996. – С.94–115.

79. Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – Москва : Лабиринт, 2004. – 320 с.

80. Седов К. Ф. Портреты языковых личностей в аспекте их становления (принципы классификации и условия формирования) / К. Ф. Седов // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 28 : Антропоцентрические исследования. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – С. 3–29.

81. Седов К. Ф. Речевое поведение и типы языковой личности / К. Ф. Седов // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000. – С. 298–312.

82. Сиротинина О. Б. Языковой облик г. Саратова / О. Б. Сиротинина // Разновидности городской устной речи : сб. науч. тр. – Москва : Наука, 1988. – С. 247–253.

83. Сорокин Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – Москва : Наука, 1990. – 240 с.
84. Степанов Ю. С. Константы русской культуры / Ю. С. Степанов. – Москва : Академический Проект, 2001. – 990 с.
85. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж : ИПЦ МОУВЭПИ, 2001. – 252 с.
86. Субботина М. В. Культура отмены: проявление социальной справедливости или новый инструмент манипуляции / М. В. Субботина // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 3. – С. 34–37.
87. Тарасенко Т. П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. П. Тарасенко. – Краснодар, 2007. – 280 с.
88. Ушакова Т. Н. Психофизиологические механизмы внутренней речи / Т. Н. Ушакова // Психологический журнал. – Москва, 1980. – № 4. – С. 145–154.
89. Фесенко О. П. Языковая личность: к вопросу об интерпретации термина / О. П. Фесенко // Инновационное образование и экономика. – 2013. – № 12. – С. 73–77.
90. Фефелов А. Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» / А. Ф. Фефелов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – Т. 20, № 1. – С. 126–144.
91. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – Москва : Издательство «Икар», 2007. – 480 с.

92. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – Москва : Рус. яз., 2002. – 216 с.

93. Черняк В. Д. наброски к портрету маргинальной языковой личности / В. Д. Черняк // Русский текст : Российско-американский журнал по русской филологии. – Санкт-Петербург : Lawrence (KS, USA), 1994. – No2. – С.115–130.

94. Чугров С. В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни / С. В. Чугров // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 5. – С. 88-98.

95. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка. – Москва : Логос, 2005. – 664 с

96. Ярошенко О. А. Штрихи к речевому портрету русского интеллигента / О. А. Ярошенко // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия : Филология. – 2010. – No3 (11). – С. 68–77.

Словари

97. Большая актуальная политическая энциклопедия / под общ. ред. А. Беякова и О. Матвейчева. – М.: Эксмо, 2009. – 419с.

98. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Панкрац, Л. Лузина. – Москва, 1996. – 248 с.

99. Кузьмич В. Жгучий глагол. Словарь народной фразеологии / В. Кузьмич, А. Бильжо, Д. Гусаков. – Зелёный век, 2000. – 448 с.

100. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – Москва : Флинта, 2011. – 840 с.

101. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.

102. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. – 562 с.

103. Мокиенко В. М. Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Москва : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 384 с.

104. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. – Москва : Флинта: Наука, 2003. – 432 с.

Электронные ресурсы

105. 5G в России отменяется? Nokia, Siemens и Ericsson отказались поставлять телекоммуникационное оборудование / iGuides.ru [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/sJt5c> (дата обращения: 16.05.2023).

106. 5 миллиардов рублей только за март и закрытия кинотеатров: российская индустрия кино оценила потери от мирового бойкота / DTF [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/sJtJY> (дата обращения: 16.05.2023).

107. Васильева М. А. Культура отмены в современном обществе / М. А. Васильева [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vestind.ru/journals/vestmd/releases/2020-10/artides?View&page=31>

108. Все друг друга ненавидят: что такое cancel culture и чего от нее больше – вреда или пользы / DTFMagazine [Электронный ресурс]. – URL: <https://donttakefake.com/vse-drug-druga-otmenyayut-chto-takoe-cancel-culture-i-chego-ot-nee-bolshe-vreda-ili-polzy/> (дата обращения 16.05.2023).

109. Горкин А. П. Биология. Современная иллюстративная энциклопедия / А. П. Горкин [Электронный ресурс]. – URL: https://www.studmed.ru/gorkin-ap-biologiya-sovremennaya-illyustrirovannaya-enciklopediya_244f0804c86.html (дата обращения 17.05.2023).

110. Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ / gramota.ru [Электронный ресурс]. – URL: <https://gramota.ru> (дата обращения 17.05.2023).

111. Как Запад и Россия поставили рекорд по высылкам дипломатов. Инфографика / РБК [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/04/2023/609d11a69a79477cef513697> (дата обращения: 16.05.2023).

112. Кинаш Ю. С. Роль СМИ и «новых медиа» в современных политических конфликтах (на примере «Арабской весны» и Ливии) / Ю. С. Кинаш [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dissercat.com/content/rol-smi-i-novykh-media-v-sovremennykh-politicheskikh-konfliktakh-na-primere-arabskoi-vesny/read> (дата обращения 16.05.2023).

113. Культура отмены: исследование / MAGRAM [Электронный ресурс]. – URL: <https://magram.ru/#lg=1&slide=0> (дата обращения: 16.05.2023).

114. Культура отмены: как интернет следит за вашей репутацией / Афиша Daily [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.archive.org/web/20210120145002/https://daily.afisha.ru/brain/17861-kultura-otmeny-kak-internet-sledit-za-vashey-reputaciy/> (дата обращения: 16.05.2023).

115. Культура отмены: топ-5 скандальных примеров в России / ФАН [Электронный ресурс]. – URL: https://riafan.ru/23324417-kul_tura_otmeni_top_5_skandal_nih_primerov_v_rossii (дата обращения: 16.05.2023).

116. Леорда С. В. Речевой портрет современного студента / С. В. Леорда [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dissercat.com/content/rechevoi-portret-sovremennogo-studenta> (дата обращения 18.04.2023).

117. Мы живем в обществе: мемы с Джокером как символ геймеров / DTF [Электронный ресурс]. – URL: <https://dtf.ru/kek/643284-my-zhivem-v-obshchestve-memy-s-dzhokerom-kak-simvol-geymerov> (дата обращения 17.05.2023).

118. Национальный корпус русского языка / НКРЯ [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 17.05.2023).

119. НХЛ разорвала связь с Россией / Сибнет [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/sJtDW> (дата обращения: 16.05.2023).

120. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/tolkoviy-slovar-russkogo-yazyka-ozhegov-shvedova/page/n575/mode/2up> (дата обращения: 16.05.2023).

121. Организаторы «Евровидения» запретили России участвовать в конкурсе / РБК [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/emxwU> (дата обращения: 16.05.2023).

122. «Решение носит дискриминационный характер»: ФИФА и УЕФА отстранили российские клубы и сборные от участия в турнирах / RT на русском [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/sJtCv> (дата обращения: 16.05.2023).

123. Росс Л. Призывай, а не исключай / Л. Росс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=xw_720iQDss (дата обращения 17.04.2023).

124. Россия стала первой исключенной из Совета Европы страной / Ведомости [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/03/16/913786-rossiya-isklyuchennoi-soveta-evropi> (дата обращения 16.05.2023).

125. Сергеева Ю. Интернет и соцсети в России в 2021 году — вся статистика // Ю. Сергеева 12 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-i-socseti-v-rossii-v-2021-godu-vsya-statistika/> (дата обращения: 16.05.2023)

126. Словарь молодежного сленга / slanginfo.ru [Электронный ресурс]. – URL: <https://slanginfo.ru> (дата обращения: 17.05.2023).

127. Толковый словарь Ушакова / ushakovdictionary.ru [Электронный ресурс]. – URL: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 17.05.2023).

128. Трамп без «Твиттера»: цензура или защита демократии? / Русская служба Би-би-си [Электронный ресурс]. – URL:

<https://web.archive.org/web/20210112122344/https://www.bbc.com/russian/features-55625897> (дата обращения: 16.05.2023).

129. Что такое культура отмены? / РБК [Электронный ресурс]. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5f141f629a7947a2dd971850> (дата обращения: 16.05.2023).

130. Я не такой как все / Lurkmore [Электронный ресурс]. – URL: lurklurk.com/Не_такой_как_все (дата обращения 17.05.2023).

131. Weiner A. Sleeping woke: Cancel culture and simulated religion / A. Weiner [Электронный ресурс]. – URL: <https://medium.com/rebel-wisdom/sleeping-woke-cancel-culture-and-simulated-religion5f96af2cc107> (дата обращения 19.04.2023).

132. Bromwich J. E. Everyone is cancelled / J. E. Bromwich [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nytimes.com/2018/06/28/style/is-it-canceled.html> (дата обращения 19.04.2023).

133. «Cancel culture» seems to have started as an internet joke. Now it's anything but / SBS NEWS [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cbsnews.com/news/cancel-culture-internet-joke-anything-but/> (дата обращения: 16.05.2023).

134. Digital 2022: global overview report / DATAREPORTAL [Электронный ресурс]. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-global-overview-report> (дата обращения: 16.05.2023).

135. Google trends / Google [Электронный ресурс]. – URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=today%205-y&q=cancel%20culture> (дата обращения: 16.05.2023).

136. Holman K. J. Can you come back from being cancelled? A case study of podcasting, cancel culture, and comedians during #MeToo / K. J. Holman [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.proquest.com/openview/b9930918a69ff1d50640f009724ab169>

137. Intel и AMD официально подтвердили прекращение поставок своей продукции в Россию и Белоруссию. Речь не только о процессорах /

iXBT.com [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/sJt4S> (дата обращения: 16.05.2023).

138. Microsoft временно прекратит продавать товары и предоставлять услуги в России / DTF [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/sJt3V> (дата обращения: 16.05.2023).

139. Netflix приостановил работу в России / РБК [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/fr5Dq> (дата обращения: 16.05.2023).

140. Universal и Paramount отменяют российские премьеры своих проектов / Киномания: Новости кино [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/sJtHp> (дата обращения: 16.05.2023).

141. Urban Dictionary / UD [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.urbandictionary.com> (дата использования 16.05.2023).

142. Vogels E. A. Americans and ‘Cancel Culture’: Where Some See Calls for Accountability, Others See Censorship, Punishment / E. A. Vogels, M. Anderson, M. Porteus, C. Baronavski, S. Atske, C. McClain, B. Auxier, A. Perrin, M. Ramshankar [электронный ресурс]. – URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2021/05/19/americans-and-cancel-culture-where-some-see-calls-for-accountability-others-see-censorship-punishment> (дата обращения: 16.05.23)

143. Wilson T. V. How Swearing Works / T. V. Wilson [Электронный ресурс]. – URL: <http://people.howstuffworks.com/swearing.html> (дата обращения 17.05.2023).